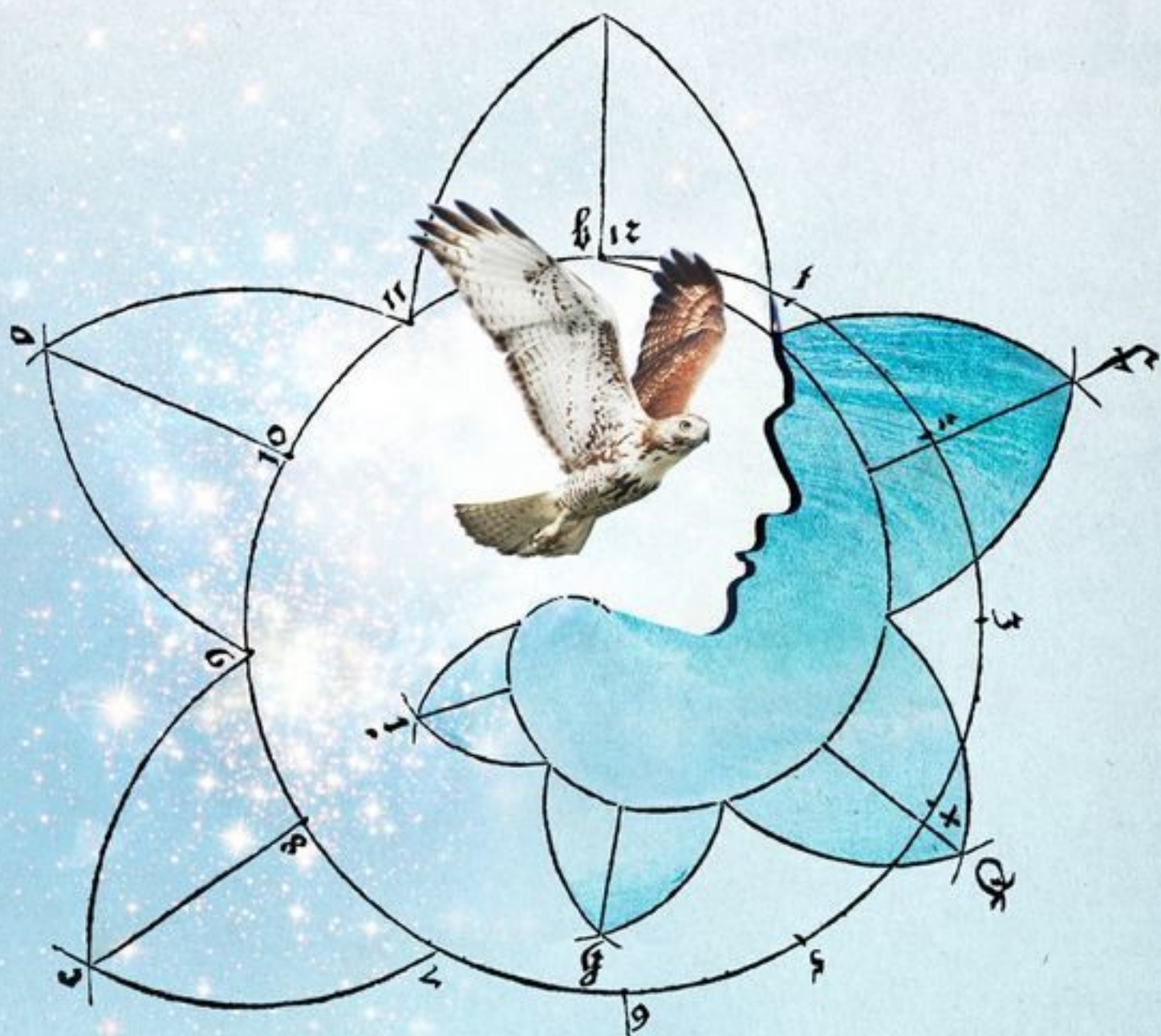

ОНТОЛОГИЧЕСКИ ЧЕЛОВЕК

— ВОДА И ВЕТЕР —

МАРИНА АНИЦКАЯ

Марина Аницкая

Онтологически человек

«Издательские решения»

2015

Аницкая М.

Онтологически человек / М. Аницкая — «Издательские решения», 2015

Кино в буквах. Философский комикс. Путь, поиск, приключения. История короля Артура и его рыцарей, пересказанная в духе классической научной фантастики. Кельтские легенды в стиле ретрофутуризма. Авалон — страна дану, наследников Атлантиды. Камелот — земля людей. Аннуин — мир духов. И Мерлин, он же Мирддин, он же Талиесин, ищущий свою судьбу между тремя мирами. Смертный по маменьке, падший дух по папеньке, авалоновец по воспитанию, сущая катастрофа по проявлениям — и человек. Онтологически.

© Аницкая М., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

[1x01] дети дану	6
[1x02] вода	16
[1x03] ветер	27
[1x04] жажда	37
[1x05] кром	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Онтологически человек вода и ветер

Марина Аницкая

© Марина Аницкая, 2015

© Ксения Погорелова, дизайн обложки, 2015

Редактор Татьяна Агеева

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

[1x01] дети дану

– Помни – ты всегда можешь отказаться, – сказал отец, поворачивая штурвал. – Всегда есть альтернативные варианты. Не подойдет один – подойдет другой.

Он говорил обычным ровным тоном, но чувствовалось, что среди этих альтернативных вариантов есть такие, которые его совершенно не устраивают.

Мать чуть улыбнулась, подпирая рукой подбородок.

– Богатство не лучше бедности, здоровье не лучше болезни, радость не лучше горя – лучше то, что ведет к цели.

Отец поморщился:

– Не передергивай.

– Но ведь это так, – мягко сказала мать.

Это был один из их бесконечных, полуозвучиваемых разговоров, которые прорастали из глубин какого-то прошлого, выступали на поверхность, пропадали снова, оставляя после себя невнятное эхо образов. Вот и сейчас – «хромой кондотьер», «призвание», «судьба», «Единый». Привкус чувства, которое Нимуэ не могла разобрать, как фразу на незнакомом языке.

Нимуэ стала смотреть в окно.

Флаер заложил вираж, снижаясь. Внизу виднелись холмы, сизая река, расходящаяся множеством рукавов – мелкая в это время года, лесистые острова... маленькое серповидное озеро. Несколько других флаеров покачивались у пирса. Отец посадил машину на воду.

Прежде, чем они вышли наружу, он взял ее за подбородок и развернул к себе.

– Цель – чтобы ты была. Чтобы ты длилась. Чтобы ты длилась счастливо.

Мягкие ладони легли на плечи – мать обняла ее со спины.

– Только помни, что счастье не равно отсутствию боли. Не равно отсутствию страха.

Мать и отец; белое и черное; стоять между ними было все равно что на краю скалы у моря – пена взлетает, доплескивая до вершины, рассыпается брызгами, откатывается обратно. Взлетает; рассыпается; откатывается. Взлетает; рассыпается; откатывается – только не снаружи, а внутри.

Нимуэ не могла уловить тех смыслов, которые они пытались в нее вложить – как можно перестать быть, если ты есть?

– Я не понимаю, – произнесла она вслух.

– Мы все когда-то не понимали, – сказала мать.

На дощатом причале, скрестив ноги, сидел дану и наигрывал на глиняной свистулке. Был он русый, длинноносый, до красноты загорелый, весь в каких-то пестрых шнурках и ленточках чуть не до локтя.

Отец молча заступил между дану и солнцем. Скрипнула лаковая штиблета. Дану, не открывая глаз, выпустил последнюю трель, сунул свистулку в карман, крутанулся вокруг себя и ввинтился в воздух, поднимаясь. При каждом его движении медные монетки, костяные бусины, деревянные палочки на браслетах чуть слышно брякали.

Дану выпрямился, приложил руку к сердцу и изобразил поклон. Мотнулись светлые косицы, собранные в пучок на затылке.

– Мое почтение! Не зыркай так глазами, Вран. Надо будет все-таки взять с тебя слово, что ты не вырвешь у меня печень, если тебе что-то померещится не то.

– Почка тоже подойдет, – сказал отец.

– А чинить потом, конечно, мне, – усмехнулась мать, беря его под руку.

– Все как в старые добрые времена! – дану поймал взгляд Нимуэ и подмигнул. – Я – Энкус.

– Я – Каэр, – раздался голос.

Нимуэ обернулась и увидела дану – курносую, с круглыми карими глазами и яблоневым цветком в волосах. Было в ней что-то от рыбы или от птицы, какая-то обтекаемая аэродинамичность в облике.

– Я – Нимуэ, – сказала Нимуэ.

– Добро пожаловать, Нимуэ, – сказала Каэр.

На берегу озера раскинулся городок, из тех, что выращивают за ночь. Четкие геометрические линии выступали из зелени, как плавники из морской пены.

– Тут совсем нет чар, – заметила Нимуэ. – Совсем дикое место.

– Пришлось постараться, – сказала Каэр. – Помех должно быть как можно меньше.

Энгус вывел их к большой десятиугольной беседке.

Чуть наискось от входа в низких креслах, расставленных по периметру, сидели трое.

Один из дану плавным движением поднялся навстречу, зашуршали просторные шелковые одеяния. Второй, чуть помедлив, последовал за ним. Женщина осталась сидеть, разглядывая их исподлобья.

– Доброго дня, – сказал дану. Он был будто с витража – высокие скулы, удлиненное, спокойное, почти неподвижное лицо, на котором «терпение и радушие» начертано, как на щите. – Как долетели?

– Ужасно медленно, – Вран оправил манжет. Блеснула запонка. – Что вы все находите в этих железках?

Дану прижмурился.

– Как был ты ретроградом, Вран, так и остался.

– Увы, – без малейшего сожаления сказал отец.

Нимуэ ощутила, как тяжелая ладонь легла ей на плечо.

– Позволь представить, – произнес Вран. – Эльфин. Мирддин. Керидвен.

Эльфин приветственно кивнул.

Второй названный, Мирддин, с заминкой повторил жест. Он выглядел копией Эльфина – минус мантия, минус невидимая броня, минус возраст. Графичная челка, водолазка под горло, штаны, ботинки. набросок пером вместо картины маслом. Нимуэ с удивлением поняла, что, кажется, видит того, кто живет так же недолго, как и она сама. Это было очень странно.

– Я – Нимуэ, – сказала она в который раз.

Сидящая женщина дернула краем рта:

– Да уж понятно. – Что-то было не так с ее временем – спрессованным, концентрированным, спутанным, как клубок. Она казалась и младше, и старше всех присутствующих одновременно. Чего-то в ней не хватало или что-то, наоборот, было лишнее.

– Достопочтенная Керидвен – человек, – шепнула мать, отводя Нимуэ к креслу. – Со всеми вытекающими последствиями.

– Это какими, например? – громко осведомилась Керидвен.

Мирддин застыл. Эльфин вздохнул. Вран хмыкнул.

– Например, люди гораздо более ранимы. И нам следует это учитывать, – сказала мать.

Эльфин чуть заметным движением тронул Керидвен за локоть.

– Что такое человек? – спросила Нимуэ.

– Двухное прямоходящее без перьев, – проворчала Керидвен, расправляя многослойные юбки. На большом пальце вспыхнул и погас рубиновый перстень.

У Нимуэ начинала кружиться голова. Их всех было слишком много. Слишком много для одного маленького места. Что-то ходило, сжимая круги, левиафаном под днищем лодки, отчего ясный летний день начинал казаться ненастоящим.

Она села, сложив руки на коленях, и попыталась отстраниться. Голоса отступили, но легче не стало. Ветер месил над озером облака, то сминая их в комья, то размазывая полосами. Было душно, как перед грозой.

Вдруг воздух дрогнул и разошелся, пропуская высокую седую женщину. Беседка будто рывком раздалась вверх и в стороны. Пространство и тишина заполнили собой все, одновременно разделяя и соединяя собравшихся.

Все встали.

Женщина обвела их взглядом. Зеленые глаза были самым ярким пятном на ее бледном лице.

– Привет вам – от меня и от Круга.

Она сделала плавный жест. Нимуэ поняла, что делает шаг вперед. Краем глаза она заметила, что Мирддин делает то же самое.

– Я – Рианнон, дети, – сказала женщина. – Всякая новая душа – это бесконечно драгоценное приобретение для Авалона. Единый, – что-то прошло тенью в ее голосе, как всегда у матери и отца при упоминании этого имени, – в своей непостижимой милости посылает их нечасто. Работа тех, кто послужил вашими проводниками сюда, почти закончена. Ваша работа начинается сейчас. Я надеюсь, что она не будет тщетной.

Рианнон протянула вперед руки. Нимуэ ощутила прикосновение – прямо над переносицей, там, куда обычно приходится контакт визора. Мир отодвинулся, став одновременно четче.

У Рианнон в ладони оказалась прозрачная чаша. Она протянула ее отцу:

– Вран.

– Я не вмешиваюсь в происходящее здесь ни словом, ни делом, ни мыслью, – тяжело произнес отец. Медленно, будто с усилием поднял руку и бросил черное птичье перо в чашу – вертикально вниз, как дротик.

Рианнон повернулась к матери.

– Эйрмид.

Мать повторила формулу. Голос у нее чуть дрогнул. В чашу лег белый округлый камешек. От Эльфина достался коготь. Тон у него был хорошо поставленный, будто он тренировался.

– Керидвен.

– Что, и я? – Женщина усмехнулась краем рта.

– И ты, – без улыбки кивнула Рианнон.

Женщина сдернула с пояса ножичек, обрезала прядь волос и сыпала ее в чашу. Слова ее звучали досадливо.

Чаша сомкнулась, превратившись в прозрачный шар. В нем, как в невесомости, плавали заключенные предметы. Рианнон опустила сферу на треножник в центре беседки.

– Пора, – сказала она.

Дальнейшее как-то смазлось – они прощались на причале, обсуждали какие-то технические детали, Эйрмид спрашивала, можно ли пользоваться коммом. Энгус утверждал, что связь может сбоить, Вран пенял на технический прогресс и грозил воспользоваться голубиной почтой, Нимуэ обещала, что найдет способ попроще, все смеялись... Все это было как сквозь стеклянную стену. Слова скользили по поверхности, не отражая происходящего. Когда флаер взмыл вверх, Нимуэ вздохнула с облегчением.

Последней ушла Рианнон – просто исчезла, была, и нет ее.

Мирддин качнулся с пятки на носок, провожая взглядом следы в небе.

– Ты заметила, – сказал он. – Они все напуганы.

Нимуэ покатала на языке слово. «Страх» – это было из мира рыб, птиц, зверей, живых-неразумных; острое, охватывающее все существо нежелание того, что может произойти. Она попыталась совместить «Вран» и «напуган», и у нее не вышло. Но что-то, теснившееся вокруг,

мешавшее дышать и двигаться, отступившее с прикосновением Рианнон, должно было как-то называться. Может быть, оно называлось именно так.

– Чем можно было их напугать? – спросила она.

Мирддин смерил ее взглядом.

– Вот и мне интересно.

– Есть вещи, которые они не могут пережить за вас. Оттого за вас и переживают, – Энгус прищелкнул языком, явно довольный каламбуром. – Идите-ка обживайтесь, утро вечера мудренее. Мирддин, айда за мной! – Энгус махнул рукой и размашисто зашагал вдоль берега.

Мирддин коротко кивнул, прощаясь, сцепил пальцы за спиной и последовал за ним.

Каэр проводила Нимуэ в дом, стоящий чуть в отдалении, под высокой раскидистой черемухой – куб с чуть скругленными углами, просторная веранда, пологие ступени, спускающиеся к воде. Белые стены пахли свежеструганым деревом. Каэр подняла несколько упавших ягод, взяла одну и протянула остальные Нимуэ.

– Я – твой инструктор. Если есть какие-то вопросы – обращайся.

Нимуэ подумала.

– Это надолго?

Каэр пожала круглым плечиком:

– Как пойдет.

Черемуха была иссиня-черная, сладкая и вяжущая одновременно.

Утро было ясное, холодноватое и очень яркое. Энгус привел их на берег.

– Так, ребята, – Энгус дождался, пока все рассядутся кружком, и хлопнул в ладоши. – Правил три. Первое – все происходящее идет под грифом «тайна личности». Второе – все сохраняют антропоморфный облик. Никаких жабр и щупалец, никаких вылазок в Аннуин. До первой Жажды в Аннуине вам делать нечего, разматывает клочками по закоулочкам, и мама с папой вас обратно не соберут. Третье – при малейшем дискомфорте мы немедленно останавливаем работу. Если вы чего-то не хотите делать – говорите прямо. Находиться в чужом сознании может быть тяжело. У вас достаточно высокий коэффициент совместимости, но осторожности никто не отменял. Вопросы есть?

Вопросов не было.

– Начнем с простого. – Энгус вытащил из кармана стеклянный шар величиной с небольшое яблоко. – Рассмотрите-ка его хорошенько. – Он протянул штучку Нимуэ.

Шар был увесистый, прозрачный, цвета морской воды, солнечный свет проходил через него, преломляясь и разбрасывая по земле бирюзовые пятна. Нимуэ передала его Каэр. Каэр немного покачала его на ладони и бросила Мирддину. Мирддин покрутил безделку в руках и вернул Энгусу.

– Закройте глаза и представьте, как держите в руке этот шар.

Нимуэ почувствовала прикосновение к вискам – Каэр и Энгус, справа и слева. Это отвлекло. Она сконцентрировалась и восстановила в воображении нужный образ – материал, плотность, цвет, гладкая поверхность, блики света.

Вдруг она ощутила мягкий толчок изнутри головы. Мир вокруг будто сжали по вертикали. Цвета сместились – будто она надвинула на глаза фильтр.

Стеклянный шар на ладони был синим, теплым, тяжелым – и был зеленым, легким, холодным. Одновременно.

Нимуэ сосредоточилась. Оказалось, что восприятие можно переключать.

Синий.

Зеленый.

Синий.

Зеленый.

Синий.

Легкий.

Тяжелый.

Легкий.

Тяжелый.

Легкий.

Мир дрожал и расплывался, как сквозь марево над костром.

– Четыреста... тридцать... семь граммов, – напряженным голосом сказал Мирддин.

Энгус разорвал контакт.

– В Аннуине, – сказала Каэр, – вам нужно будет уметь очень хорошо отличать себя от не-себя. Вам повезло, у вас хороший разброс в полярности. Разобраться будет проще. Но для начала вы должны решить, согласны ли вы продолжать. Обмен информацией всегда идет в обе стороны, и чем дальше, тем интенсивней. Сейчас мы с Энгусом обеспечиваем вам безопасный коридор, но дальше вам придется работать напрямую.

Это следовало обдумать.

Нимуэ шла по берегу озера, по самой кромке. Озеро было небольшое, но глубокое, с изумрудной водой, окруженное горами, которые вставали друг из-за друга, будто декорации в старинном театре – ровными уступами, и каждая следующая была все синей и темнее предыдущей. Там, где у озера был «рог» полумесяца, будто сходились две стены – светлая, лиственная, и темная, хвойная. Справа вставали березы, и рябины, и тополя, слева – сосны, и пихты, и кедры, и лиственницы. Многие кедры росли почти горизонтально – стволы, вывороченные из земли бурей, ложились на землю, ветви вздымались вверх – и продолжали расти. Ох, и бури это были – если сесть в выемку у корней, там можно было бы поместиться целиком.

Как отличить себя от не-себя?

Нимуэ никогда раньше не приходило в голову задаваться таким вопросом. Были отец и мать, был дом, Грозовая башня; были горы, леса, водопады, белки, спующие в ветвях; карпы в прозрачных ручьях; серовато-розовые раковины, сворачивающиеся спиралью, пустые и звонкие; ступени винтовых лестниц...

Здесь лестниц не было, были узловатые корни, выступавшие из земли, полускрытые изумрудным мхом. Она шла, касаясь мха, коры, шелковистых кедровых игл, раскрытых веером. Берег резко уходил вниз, под ним плескалась вода – зеленая, как нефрит.

Зеленая на самом деле? Зеленая, потому что на нее смотрю я?

А кто – я?

Я – кто смотрит на стеклянный шар и видит синий цвет.

В нефритовой воде медленно колыхались водоросли.

Земля и вода смыкались, определяя, с одной стороны, озеро, и, с другой стороны, берег.

Нимуэ пошла дальше, переступая через стволы и отводя от лица гибкие, остро пахнущие смолой ветви.

На обрыве, свесив ноги, сидел Мирддин и бросал камушки в озеро. Камушки подскакивали, оставляя на поверхности цепочку разбегающихся колец. Пять. Семь. Три.

Он почувствовал взгляд и обернулся.

Возникла пауза.

Мирддин поднялся, отряхнул руки, спрятал их за спину и качнулся с пятки на носок.

– Что ты решила? – спросил он, наконец.

Он был выше, чем Вран, но гораздо тоньше и легче, и совсем не продавливал мир под себя. Будто его врисовали в окружающее грифелем – темные волосы, светлые глаза. Удлиненное, вытянутое лицо почти все состояло из острых углов – тени под скулами шли вниз, брови

расходились вверх – от этого сосредоточенное выражение казалось сердитым, хотя, конечно, не было. Как и у нее самой – полная длина рукава, ворот под горло, чтобы случайно не хватануть лишней информации через кожу. До начала обучения ей не приходило в голову, что информация может быть лишней.

– А ты?

– Да, – твердо сказал он. – Есть альтернативный, полностью недоступный мне другими способами ракурс. Это как... параллельный мир. Только не параллельный. Конечно, я хочу продолжать! – глаза у него блеснули, он чуть подался вперед и тут же одернул себя. – Если ты, конечно, не против.

– Я не против, – ответила Нимуэ. – Чтобы определить, кто я, мне нужен кто-то, кто не-я. Мирддин моргнул.

– погоди. Как можно этого не знать? Ты же знаешь, что ты... – он слегка замялся, – не камень, не птица... не дерево, в конце концов!

– Но я могу стать камнем, или деревом, или птицей, – сказала Нимуэ. – И где тогда будет отличие? Наверное, Энгус поэтому требовал соблюдать антропоморфную форму, – задумчиво добавила она. – Это не то, что ты копируешь, а то, во что отливаешься по умолчанию.

– Н-не знаю, – сказал Мирддин. – Я так всегда хожу.

– Всегда человеком? – удивилась Нимуэ. – Почему?

Мирддин пожал плечами:

– Удобно.

Различий действительно было очень много.

Они сидели кружком на мху, под соснами, у самого берега. За спиной Мирддина Нимуэ могла видеть, как отражается в озере гора, образуя со своим двойником идеальный ромб.

Каэр, как всегда, четко и спокойно, давала указания.

– Левая рука. Точка на три пальца ниже запястья. Нашли пульс. Прижали. Запомнили. Точка к точке, соединяем.

Правая рука. Три пальца к виску. Нимуэ, ты же видишь, что руки у тебя короче, подсядь ближе. Держи спину ровно, без напряжения. Находим пульс. Контакт.

вот, я размыкаю границу

вот, вены тянутся, тянутся, размыкаются, переплетаются

вот, объединяется кровоток

кто передо мной?

Огромный, огромный простор и тишина.

Каменистый холодный берег, темное небо и темные же волны, с шумом набегающие на скалы – единственный звук в тишине.

Звезды, маленькие и яркие, черный силуэт скалы на их фоне.

Далеко, далеко почти у горизонта – на самом краю скалы, у самой пропасти, башенка маяка, зыбкий свет фонаря, не затмевающий созвездий.

Темная, темная вода, случайный отблеск звезды на рассыпающейся пене, темная, темная толща, уходящая глубже, и глубже, и глубже, где царит вечная тишина, где скользят проворные хищные тени, глубже, глубже, вдруг разгорелась светлая точка, матовая, мягко светящаяся раковина. Нимуэ протянула руку, коснулась створок – и увидела сияющую жемчужину, такую, что от красоты перехватило дыхание. Хотелось смотреть, и смотреть, и смотреть, но воздуха

уже не хватало, ледяная толща давила все сильнее, сильнее, сильнее, легкие горели, Нимуэ рванулась – и ее пробкой выбросило на поверхность, обратно, в обычный летний день.

Нимуэ потрясенно уставилась на Мирддина.

Мирддин смотрел на нее изумленно и беспомощно.

– Я... я не знал...

Какое у него хорошее лицо, отрешенно подумала Нимуэ. Вот так, когда распахнутое.

– Всякая душа бесконечно драгоценна, – мягко сказала Каэр.

Энгус бросил взгляд на комм, встряхнулся, как пес, выходящий из воды, и хлопнул руками по коленям:

– Три секунды. Для начала неплохо. Идите, ребята, продышитесь. На сегодня хватит.

Нимуэ шла, раздвигая плечом высоко стоящие травы. Болиголов, полынь, борщевик и дикая малина скрывали ее с головой. Она сорвала ягоду – хрустнули зернышки, растекся по нёбу кисло-сладкий сок. Нимуэ вздохнула.

Жить на озере было хорошо, но она устала от человеческого облика, как устают от обуви или одежды. Устала от необходимости смотреть глазами и говорить словами.

Впереди открылась поляна в обрамлении светлых стволов. Нимуэ обняла березу и прижалась щекой к коре. У самых глаз со ствола отходила прозрачная пленка, завиваясь тончайшими кольцами. Нимуэ тихонько дунула. Пленка забилась под дыханием и зашуршала.

Нимуэ подумала, что этот самый верхний, самый тонкий слой коры – совсем как ногти и волосы. И что ногти и волосы – это не так важно, так что, Энгус, наверное, не будет возражать...

Она выставила перед собой ладони и мысленно потянулась из них вверх. Совсем чуть-чуть. Тонкий стебель проклюнулся между кожей и ногтевой пластиной и потянулся наружу. Дрогнули листья, разворачиваясь в стороны, навстречу лучам.

Хрупнула ветка.

Нимуэ вздрогнула и обернулась, пряча руки за спину.

Это был Мирддин. Яркое пятно света падало на него сквозь крону, заставляя неловко щуриться – будто он встал в тени, но простоял, не шевелясь, столько, что она успела сместиться.

Нимуэ досадливо прикусила губу. Она бы заметила, что рядом кто-то есть, но слишком увлеклась. Для этого от них и требовали соблюдать человеческий облик – чтобы не уходить целиком во что-то одно.

– Я не хотел тебя напугать, – сказал Мирддин.

– Ничего. – Нимуэ вздохнула – Мне не следовало увлекаться. – Она посмотрела на стебелек мяты, растущий из руки. – А зачем ты здесь?

Мирддин на миг отвел глаза.

– Я... я думал. Я не понимаю, как можно знать... знать то, что мы знаем, и устроить из мировой истории то, что она из себя представляет. Фир болг, дану, люди, ангелы... как можно было знать все это и наворотить такого? Разделение, войны, падение Атлантиды... как это возможно вообще? Кем надо быть, о чем надо думать?

– Не знаю, – сказала Нимуэ.

Ей даже не приходило в голову задаваться таким вопросом.

В кронах пробежал ветер. Прошелестели березы. Росток мяты кивнул листьями. Мирддин протянул руку, чтобы его коснуться и тут же отдернул.

Нимуэ вздохнула. Под ее взглядом веточка мяты мгновенно пожелтела, высохла и рассыпалась трухой.

– А я не понимаю, как можно постоянно быть человеком, – сказала Нимуэ. – Как люди не устают от самих себя?

– А кем ты хочешь быть? – спросил Мирддин.

Нимуэ пожала плечами.

– Травой. Водой. Деревом. Кем угодно. Но нам же запретили менять форму.

У Мирддина блеснули глаза.

– Форму – да...

Он развернулся на пятках и оглядел поляну. Даже по затылку было видно – что-то он затеял. Мирддин уперся в березу тремя пальцами, как при контакте, прикрыл веки и замер. С его лица пропало всякое выражение – видимо, у Мирддина всегда так получалось, когда он переставал за собой следить.

– Ага! – наконец, он вынырнул изнутри наружу. Перемена была разительной – будто включили лампочку, настолько лицо озарялось присутствием изнутри. – Форму можно и не менять, – довольно сообщил он.

– Как? – жадно спросила Нимуэ.

– Можно сделать коридор. Как Энгус делает... только, – он свел брови, будто что-то просчитывая. – Можно тебя...?

Нимуэ непонимающе вскинула глаза. Мирддин чуть замялся.

– Ты же тоже... как дерево.

– А, – она поднялась с травы. – Да.

Сухая, горячая земля; россыпь сосновых иголок под ногами; теснящиеся стволы, уходящие высоко вверх, синий лоскут неба между ветвей; шершавая кора, нагретая солнцем; басовитое жужжание на самом пределе слуха. Рой, снующий вокруг. Образ-портал; переходная зона между своим и чужим сознанием.

Нимуэ подставила руку. По ладони поползла мохнатая золотая пчела, трепеща слюдяными крыльями.

В вершинах сосен прошел ветер.

Вивизн. Ниниэн. Нинева.

Нимуэ поняла, что обращаются к ней.

Почему пчелы, беззвучно спросила Нимуэ.

Ответ был похож на костяшки домино, падающие одна за другой, четкая цепочка ассоциаций: пчелы вылетают из улья – пчелы исследуют местность – пчелы собирают нектар – пчелы возвращаются – пчелы дают мед.

Почему мед?

Ничего нет слаще понимания, вот почему.

Ей вдруг стало интересно, как это выглядит глазами Мирддина, без перевода на привычный ей язык образов. Она попыталась заглянуть на другую сторону. Лес задрожал и распался; замелькали многоцветные блоки – образы, формы, слова, цифры, паутина связей. Ясная и четкая система образов превратилась в пеструю мешанину, и Нимуэ выбросило наружу.

– Понимание, образующееся в результате переработки личного опыта, поступающей извне информации и концепций, является единственно значимым результатом любой деятельности, – проговорила Нимуэ вслух последнюю формулировку, пойманную в чужом сознании.

Мирддин моргнул.

– Да.

– Почему Вивизн? – спросила Нимуэ.

– Звучит, как ты. Не вся ты, одна из проекций тебя. Это как... – Мирддин искал сравнение. – Как простые числа. Простые числа всегда гладкие. Смотришь на число и понимаешь, простое оно или нет, не считая. И точно так же, я смотрю на тебя и понимаю, как должно звучать имя, чтобы звучало так, как ты.

Нимуэ покачала головой:

– Я не умею так видеть числа.

– Пи очень красивое. Это как лететь на флаере и смотреть на пейзаж внизу. Есть очень красивый момент, не далеко от начала, шесть девяток подряд, с семьсот шестьдесят девятого знака после запятой. Они светятся темно-синим... Надо будет попробовать. Может, я смогу показать тебе...

– Ты говорил про деревья, – напомнила Нимуэ.

– А. Да. – Не отрывая пальцев от ее виска, Мирддин свободной рукой нашарил дерево, прикрыл глаза, настраиваясь, и улыбнулся, не поднимая век:

– Смотри!

На миг она увидела поляну из глазниц Мирддина, как сквозь окно – с точки на фут выше, как сквозь тонкое зеленоватое стекло – но тут стеклянная граница лопнула с хрустальным звоном, и все рывком изменилось.

Она уходила корнями вниз, вниз, в глубину, к сердцу земли, за сладкой водой, которая становилась ее прохладной кровью, ее тысячи, тысячи незрячих лиц теснились, подставляя ветру щеки, жадно глотали солнечный свет раскрытыми ртами, мир был прочен, вечен, незбылем, размеренно вращался вокруг, наматывая круги – от дня к ночи, от зимы к лету, снова, и снова, и снова. Она сладко потянулась вверх, чуть пританцовывая, расправляя плечи – макушка ушла в синий воздух, где толклись мошки, стрижи, облака, птицелеты, спутники, становясь все выше, выше и тоньше, протянула руки, вбирая и обнимая, маленький синий шарик, огненная золотая бусина, ожерелья, россыпи, а ее было мало, было отчаянно мало.

В ледяной тьме смеялась, переливалась, гремела, грохотала неистовая симфония. Нимуэ задохнулась от ужаса и восхищения.

На это невозможно было смотреть.

Не смотреть на это было невозможно.

Двойная спираль крутилась быстрее, быстрее, быстрее.

Гармония гремела – на самом пределе выносимого. За ним.

Черное, золотое, алое толклось внутри и снаружи, обгорая и осыпаясь в ледяную тьму раскаленными хлопьями.

Сквозь литавры и трубы какой-то голос звал ее по имени.

Нимуэ... Нимье!

Нинева. Ниниан. Ниниэн.

Вивиэн, Вивьен, Вивиана!

Имена падали вниз, отсекая ее от вечности хрустальными гранями.

Последнее рухнуло стальным лезвием.

Нимуэ открыла глаза. Она сидела, вжавшись спиной в корень. Над ней, тяжело опираясь о ствол, на коленях стоял Мирддин, взмокший, как от долгого бега. Прядь прилипла ко лбу, по футболке расплывалось темное пятно.

– Гвен... Гвендолоена, – выдохнул он. Нимуэ скорее прочитала это по губам, чем услышала.

Внутри черное и алое билось о стеклянные стены. Стекло похрустывало, ползло трещинами.

Черное, золотое, алое.

То, к чему у Мирддина был ход, а у нее не было.

Алое, золотое, черное.

Пусть будет мое.

Или пусть перестанет быть.

Это было как голод, только много острее голода, полностью застывшее обычное зрение.

Там, снаружи, за стеклянными гранями, нельзя было жить, нельзя было дышать, но это было неважно, неважно, неважно.

– Ты как? Как ты? Ты меня слышишь?
Как он может? Как он смеет!

Это нечестно.

Это несправедливо.

Пусть отдаст!

Пусть отдаст обратно!

Черное, золотое, алое.

Алое, золотое, черное.

Пусть будет мое.

Или пусть перестанет быть.

Пусть отдаст.

Или пусть не будет.

Нимуэ разлепила веки.

– Уходи. По... жалуйста.

Она попыталась подтянуться и встать. Ветка обломилась. Дерево закричало.

Не слушая, она попыталась втиснуться внутрь, пройти еще раз тем же путем наружу – но береза была слишком полна березы, в ней не было места еще для Нимуэ. Она попыталась надавить – дерево под рукой хрустнуло. Она с недоумением посмотрела на раскрошившийся в черную пыль корень. Тогда она попыталась вместить дерево в себя – и оно вскрикнуло, кануло внутрь, растворилось и исчезло. Его не стало.

Она потянулась, пытаясь зацепиться хоть за что-то – но все, чего она касалась, распадалось и умирало. С этим ничего нельзя было поделать.

Она этого не хотела.

Тогда пусть не буду я.

Она подтянула ноги к груди и обняла колени.

На краю сознания, отдельным слоем сквозь черно-красную пелену проступала сетка лучей. Лучи держали мир; это было как гравитация, но важнее. Связь? Смысл? Суть? Лучи соединяли бусины света. Некоторые метались. Это было как три точки, пытающиеся вырваться из проходящей через них плоскости.

Одна бусина скользнула ближе; мелькнули карие тюленьи глаза, плеснуло морем. Волна подхватила ее – и все померкло.

[1x02] вода

Что такое человек?

Человек – тот, кто включает в себя все.

Я не включаю в себя все.

Я не человек.

Нимуэ рывком села, подтянув колени к груди.

Вокруг была незнакомая комната – просторная, светлая и пустая. В ней стояла ватная тишина. Нимуэ ощутила себя стрижом, залетевшим в облако.

Сердце билось где-то у самого горла. Тонко запищал какой-то датчик.

Нимуэ откинула одеяло и подбежала к окну. Гладкая серая стена уходила далеко вниз и там, внизу, несколько узких террас сходили уступами к морю. Море было серое, небо тоже было серое, пасмурное, границы между ними не было, и оттого казалось, что смотришь на внутреннюю поверхность шара.

Край света.

Место было незнакомое; может быть, мрачноватое – но это не объясняло острого чувства непоправимой потери. Что-то было потеряно; забыто; непоправимо сломано...

Дверь с шелестом скользнула в сторону, Нимуэ обернулась, увидела круглые карие глаза шелки – и прикусила фалангу, чтобы не закричать.

Каэр что-то сделала – память отступила, не исчезнув, но отдалившись.

– Чшшш, – сказала Каэр. – Ничего непоправимого не произошло. Все целы и относительно здоровы. Лес вы, конечно, покорежили, но не больше, чем пара бурь.

– Что... – Нимуэ хотела спросить «что произошло», но голос у нее сорвался.

– Мирддин Эмрис оказался человеком, и ты выпала через него в Аннуин, – Каэр прекрасно поняла вопрос. Она вздохнула. – Мы, конечно, ожидали чего-то подобного, но не думали, что все произойдет так быстро. Но вы отлично справились. Мирддин умудрился тебя удержать. Очень нехарактерная способность для человека. Думаю, дело все-таки в том, что он полукровка... Мы бы, конечно, тебя нашли, но у тебя нет Предстоящего, так что личность, скорее всего, пришлось бы выращивать с младенчества заново. Тоже, конечно, ничего страшного, но, я думаю, ты предпочла бы сохранить актуальную, нет?

– Да, – сказала Нимуэ.

– Ты, со своей стороны, даже не пыталась его выпить. Ты осознанно перенесла свое внимание на дерево?

– Нет, – сказала Нимуэ.

– Это был стихийный порыв? Тоже неплохой вариант... В любом случае, на будущее – чужая жизненная энергия идет впрок, только если отдана по свободной воле и с добрым намерением. Все остальные варианты образуют воронку, которая ничем хорошим не заканчивается.

Каэр подошла к панели на стене, набрала код и протянула Нимуэ появившийся стакан с чем-то белым. Это оказалось теплое молоко.

– Все, что тебе нужно сейчас сделать – это отдохнуть как следует. Никуда не торопись. У тебя есть сколько угодно времени.

У молока почти не было цвета и совсем не было вкуса. Нимуэ поставила стакан на место. Стакан исчез.

– Хочешь еще что-нибудь спросить? – сказала Каэр.

– Да, – сказала Нимуэ. – Если все так хорошо, то почему мне так плохо?

Каэр хмыкнула.

– Никому из нас после первого столкновения с человеком не было хорошо. Привыкай. Дверь за ней закрылась.

Нимуэ зарылась лицом в подушку и натянула на голову одеяло.

Место называлось Каэр-Динен. Это был остров, маленький, скалистый и древний. Он был крепостью, был замком, был лабораторией; тоннели зарывались вниз, узкие граненые башни вонзались вверх. Растений было мало; ползучие розы вились вертикально по решеткам, установленным на террасах. Порывы ветра с моря срывали лепестки и разбрасывали вокруг.

Первое время Нимуэ удивлялась, что они серые. Потом стало ясно, что с розами все в порядке, они цветные, просто у нее сместилось восприятие. Все казалось выполосканным, выбеленным, как обломок дерева, который слишком долго носило по волнам.

То же самое было с цветами, звуками, запахами.

В принципе, это было не так уж плохо.

Помнить все в полную силу было бы слишком тяжело.

Но существовать приходилось как в тумане. Или, может быть, таковы были чары Каэр-Динен.

Она пыталась выходить наружу – но среди кустов в форме параллелепипедов и шаров, газонов строгой геометрической формы, древних каменных блоков, прорастающих ввысь стенами из хрома, стекла и бетона, было слишком тяжело. Неуютно. Это место создавалось в годы войны, и никак не могло забыть об этом.

Так что большую часть времени Нимуэ сидела в комнате, перебирая листы и краски и пытаясь вспомнить, что такое цвет.

Какой-нибудь другой цвет, кроме красного, золотого и черного.

Какой-нибудь другой облик, кроме человеческого.

Какой-нибудь другой смысл, кроме Аннуина.

Это было похоже на попытку выбраться из колодца с идеально гладкими стенками. Только колодцем была она сама.

Дни приходили из тумана и скрывались в тумане.

Однажды что-то влетело в раскрытое окно. Раздался негромкий стук.

Нимуэ наклонилась. Это оказался камушек, завернутый в листок бумаги. Нимуэ разглядела его на колене и вздрогнула.

«Ввн! Ты как? Мрддн»

Листок вспыхнул и рассыпался пеплом.

Нимуэ ринулась к окну. За окном никого и ничего не было.

Она села и попыталась восстановить записку по памяти. Листок был стандартный, но с оборванным краем. Почерк был убористый, разборчивый, но все буквы раздельные и с неравномерным наклоном влево. Почему он пишет левой рукой, он же правша?

Почему такой странный способ связи?

А, нет, это просто. Без чар и без техники – значит, нельзя отследить.

Она попыталась написать ответ. Немедленно стало ясно, почему следует экономить буквы – вышло не с первого раза. Бумага просто рассыпалась.

«Цела. Ты?»

Как она ни старалась, край обуглился, на клочке остался смазанный отпечаток пальца.

Нимуэ завернула камешек в бумагу и бросила вниз.

Если он издал стук, упав на землю, она этого не услышала.

Потом она села и стала ждать.

Прошло два дня, прежде чем она нашла на подоконнике ответ.

«Нрм. Могу как-то пмч?»

Антрацитовый колодец сжал гладкие стенки. Из него можно было видеть звезды. Двигаться в нем было невозможно.

«Да. Не появляйся».

Камешек упал вниз.

Что-то внутри оборвалось от необратимости действия.

Нимуэ огляделась.

Палата была почти пуста.

Она открутила от кармана пуговицу, нацарапала «прости» и бросила записку вниз.

Ответа не последовало.

Однажды Каэр сказала: «Пойдем, тебя ждут». Нимуэ последовала за ней и увидела Рианнон. Комната была пустая и светлая. Рианнон была седая. Сквозь стекло, высоко под потолком обходящее комнату по периметру, сеялся серый свет. Примерно на две третьих от входа выходила круглая прозрачная колонна, уходящая сквозь этажи вниз и вверх. Внутри колонны росло дерево. Как в аквариуме.

Посреди комнаты тянулся длинный стол. За столом сидела Рианнон. Единственным ярким пятном в комнате были ее глаза, холодные, зеленоватые, как хризолит.

Нимуэ села напротив и сложила руки на коленях.

Рианнон медленно кивнула, приветствуя ее.

– То, что произошло, беда, а не вина. Но закон есть закон. Ты помнишь Завет Авалона, Нимуэ?

– Никогда, ни при каких условиях, нельзя поглощать людей, – ответила она.

Рианнон кивнула.

– Закон не был нарушен. И, значит, ты не подлежишь изгнанию, что было бы горько для всех нас.

Нимуэ поняла, что совершенно забыла об этом.

Там, в Аннуине, она совершенно забыла о существовании Авалона, отца, матери, дома, всего, что ей было дорого. Подвергнуться изгнанию означало потерять их всех.

Но там, в Аннуине, их будто и не было никогда. Была невыносимая, яростная гармония. Был гнев и голод. Пустота, кричащая, чтоб ее заполнили.

Она много раз слышала – между дану, фир болг и вестниками нет онтологической разницы. Но только сейчас начал понимать смысл этих слов.

– Вы знали, что так будет, – медленно сказала Нимуэ.

Именно поэтому Рианнон взяла с родителей клятву не вмешиваться. Чтобы, если она превратится в голодного демона, им не пришлось бы выбирать между дочерью и законом.

Рианнон кивнула.

– Мы надеялись, что так не будет, но вероятность нельзя было исключать. Первая встреча с человеком – всегда испытание. Существование с человеком в одной вселенной – испытание, которое никогда не заканчивается.

Мирддин Эмрис. Человек.

(Это как простые числа. Простые числа всегда гладкие. Вивиан. Звучит, как ты. Не вся ты, одна из проекций тебя...)

Запахло паленым пластиком. Нимуэ отдернула руку и увидела темный отпечаток на столешнице. По краю пластик оплавился и тянулся вниз бурыми каплями, застывая под невозмутимым взглядом Рианнон.

– Я полагаю, вам лучше не видеться, – сказала дану.

– Да, – сказала Нимуэ. – Наверное.

Стол, зернистый на сломе, как творог, зарастил оплавленную корку и снова стал гладким. Плитка на полу без следа поглотила застывшую лужицу пластика. Все стало, как было.

– Нам нужно обсудить еще одну важную вещь, – сказала Рианнон. – У тебя нет Предстоящего. Это означает, что, если ситуация не изменится, в Жажду ты останешься одна. Это

опасно и очень тяжело. Мы предлагаем тебе «холодный сон» до тех пор, пока не появится шанс подобрать тебе напарника.

– Нет, – сказала Нимуэ, поднимая глаза на дану.

Не хочу. Не могу. Не буду.

– Почему? – спросила Рианнон.

– Или я справлюсь сама. Или мне не имеет смысла быть.

Рианнон впервые за весь разговор улыбнулась.

– Хорошо, – легко сказала она, поднимаясь. – Вран и Эйрмид тебя ждут.

Рианнон вывела ее в светлый и просторный холл. Вран стоял у прозрачной стены, глядя на пасмурное море и механически похлопывая парой перчаток по бедру. Мать сидела на низком диване, опоясывающем холл по кругу. Когда дверь распахнулась, Эйрмид стремительно вспорхнула, плеснув рукавами, и прижала Нимуэ к себе. Поверх ее плеча Нимуэ увидела, как Вран медленно обернулся и так же медленно кивнул.

Нимуэ на мгновение отвела глаза.

Она слишком хорошо знала отца, чтобы не понимать, что Вран выбрал бы между ней и законом.

Отец, кажется, прочел эту мысль. Начал запихивать перчатки в карман сюртука и попал не с первого раза.

Нимуэ зажмурилась.

Мирддин Эмрис был прав тогда. Они боялись. Нимуэ теперь понимала, почему.

Нимуэ не знала, что с этим делать.

– Ничего, – шепнула мать. – Пойдем домой.

У причала покачивался флаер. Нимуэ заняла сиденье у окна – как когда-то давно, в прошлой жизни.

Вран поднял машину в воздух. Скалистый остров прошел под крылом и исчез, как не было.

– Мы практиковали человеческие жертвоприношения в Атлантиде, и я в свое время поддерживал эту политику, – сказал вдруг Вран, не отрывая взгляда от приборов. – И до этого еще пару тысяч лет пробавлялся богом войны, так что если ты думаешь, что я тебя не понимаю – я тебя понимаю.

Нимуэ моргнула. Она с детства помнила круглый щит с надписью «Atlantis delenda est» у отца в кабинете над камином, и знала, что отец с матерью вместе сражались против фир болг в свое время. Мать изготовила серебряную руку для Копейщика Нуаду...

Ей даже в голову не приходило, что так могло быть не всегда.

– Человек, – продолжил Вран, – венец творения. С этим ты уже столкнулась. Помимо этого, – он бросил на Нимуэ короткий взгляд, – люди в большинстве своем слабы, лживы, безответственны и совершенно недостойны самих себя.

– Не все, – сказала Нимуэ. Ей почему-то стало обидно.

Вран покосился на нее.

– Не все, – согласился он. – Но многие. Но даже самый слабый, лживый и безответственный человек не заслуживает быть съеденным заживо. Даже если обстоятельства к этому вынуждают. В этом мире нет никакой другой справедливости кроме той, которую мы делаем сами. Мы делаем выбор в ее пользу. В этом и есть единственная разница между нами и фир болг.

Вран заложил вираж, и флаер свечкой ушел в небо.

Дома стало легче. Или сложнее. Чары Каэр-Динен больше не стояли между Нимуэ и ее памятью. Нимуэ смогла оглядеться вокруг – не вовне, внутри себя. Внутри была одна темная

спекшаяся масса, похожая на потеки лавы – и в нее была вплавлена тонкая, как волос, память о чужих методах восприятия.

С этим можно было работать. Хотя бы попробовать.

Первое, что она сделала – она стала искать информацию.

Можно ли выйти в Аннуин в одиночку?

Можно.

Выйти можно.

Вернуться... вернуться – это другой вопрос.

Она подумала и решила, что терять ей все равно, в принципе, нечего.

Напугало ее другое. Она попыталась сменить форму – и не смогла.

Ни рыбой (уклейкой, скатом, форелью), ни птицей (ястребом, совой, стрижем, сойкой), ни зверем (рысью, лаской, ящерицей) у нее не вышло. Ни один из привычных обликов не давался.

Причина, конечно, лежала на поверхности.

На самом деле ей хотелось быть человеком и только человеком.

Все остальное утратило вкус, и смысл, и цель.

Это-то и пугало Нимуэ – все, что было дорого, приносило радость и удовольствие, наполняло мир дышащим, текучим, легким и стремительным чувством потока, единством множества форм, перетекающих из одной в другую – все померкло в сравнении с итогом творения.

Ничего страшного, сказала Эйрмид. Ты же видишь, большинство из нас используют человеческий облик по умолчанию. Он очень удобен, и из всех доступных вариантов дает самую большую маневренность в пространстве выбора. Принятие антропоморфной формы – это одно из тех решений, которые по-прежнему продолжают себя оправдывать со времен Разделения.

Но имитация тяготила Нимуэ. Ей не нужна была форма, ей нужна была суть. Способность вместить в себя невместаемое.

А это было невозможно.

Было несправедливо утратить все в один миг. Не по своей вине; ни по чьей вине вообще. Но, как сказал Вран – тварный мир вообще не имеет никакого отношения к справедливости.

Время шло. Нимуэ бродила тенью по переходам и галереям, методично пробуя одно занятие за другим, пытаясь методом перебора найти хоть что-то. Хоть что-то. Но даже рассвет на вершине Грозовой башни, рассвет, медленно поднимающийся из-за гор, тоже стал выцветшим и тревожным. Больше похожим на медленный взрыв за горизонтом.

Нимуэ полюбила сумерки. Сумерки скрадывали утраченное.

То ли позаботился Вран, то ли так просто совпало – дни были пасмурные, неяркие, полные мороси и туманов. Внешнее совпадало с внутренним. Это приносило некоторое облегчение.

Она бродила по саду, дав себе задание обойти все пятнадцать камней – все вместе можно было увидеть только сверху, с птичьего полета или с башни, но быть птицей у нее сейчас не получалось, а из окон ничего не было видно из-за тумана, когда по аллее послышались шаги.

– ...конечно, не останется, – говорил неуловимо знакомый голос. – Я не остался бы. Ты не остался бы. Смешно было бы надеяться, что выйдет по-другому.

– Мне, наверное, следовало бы быть благодарным. Что все обошлось, – это был отец. Нимуэ отступила в тень. – А у меня нет ничего, кроме гнева. За то, что мы поставлены в такие условия. И ладно мы...

– Гнев – это хорошо, – ответил неуловимо знакомый голос. – На гнев можно что-то делать. А я открываю глаза, смотрю в стену... И не напьюсь даже. За упокой надежд, – раздался невеселый смешок.

Отец кашлянул.

– Мы, по крайней мере, попытались.

– Да. Попытка была хорошая. Спасибо, Вран.

Зарница высветила говорящих. Нимуэ чуть слышно ахнула, узнав Эльфина.

Эльфин мгновенно обернулся на звук. Сверкнули, сжимаясь в полоску, зрачки – и распустились обратно.

Эльфин грустно улыбнулся Нимуэ уголками губ, приложил руку к груди, очень медленно поклонился, набрал код на портале – и исчез.

Вран развернулся к дочери. Верхняя пуговица на воротнике у него была расстегнута и рукава закатаны – один на две третьих, а второй до локтя.

– Есть вопросы по подслушанному? – тяжело спросил он.

– О ком вы говорили? – спросила Нимуэ.

Взгляд отца сделался еще тяжелее.

– Например, о тебе. Лучшим вариантом для тебя является «холодный сон». Ненадолго. Лет на двести.

Невысказанное повисло в воздухе – люди не живут столько. Она закроет глаза и откроет их, и за это время Мирддин Эмрис исчезнет с лица земли. Следовательно, исчезнет и искушение. Можно будет начать все заново...

– Нет, – сказала Нимуэ.

Нельзя брать чужое; но память, память об Аннуине была ее собственная.

Ее целью было не бежать от Аннуина. Ее целью было туда вернуться.

Вран схватил ее за плечо. Нимуэ не успела понять, как они очутились в отцовском кабинете.

Вокруг был беспорядок. Над ровным языком пламени, выходявшем из стола, плавала в воздухе забытая чаша. Жидкость была красного цвета. Или нет.

Вран плеснул в колбу воды и поднес к языкам пламени. Вода забулжила. Вран взял с пол-носа прозрачный кристалл и бросил в нее. Кристалл булькнул, погружаясь в жидкость, закружился в водоворотце – и растворился без остатка. Вран поднял колбу на вытянутой руке и вылил жидкость в широкую чашу. Пошел пар.

– Вот что случится с тобой в Аннуине без Предстоящего.

Нимуэ прикрыла веки.

Аннуин.

Аннуин, Аннуин, Аннуин, великая гармония. Громокипящая симфония. Вода и соль.

– Непадшие могут ходить в Аннуине без него, – сказала она.

– У Непадших нет свободы воли, – резко сказал Вран. – За них все решает Единый. Они вольны в своем выборе не больше, чем вода вольна решить, закипать ей или нет, когда я поднесу к огню колбу. Ты этого хочешь? – яростно спросил он. – Ты, моя дочь – и хочешь отдать кому-то свободу решений?!

Голос у него был низкий, как дальний раскат грома. В детстве она считала секунды от молнии до звука, чтобы определить расстояние до центра грозы. Раз. Два. Три. Четыре...

От широкой и плоской чаши шел пар. Где-то там, в воде, существовал растворившийся кристалл соли. Если выпарить воду над огнем, соль останется – мелкие, мелкие кристаллы, похожие на пыль.

– Ты прав, отец, – сказала Нимуэ. – Я – твоя дочь. Я никому не отдам свободу решений. Даже тебе.

Она повернулась и вышла, не чуя под собой ног.

Комната плыла и раскачивалась на невидимых волнах. Уши заложило, как бывает при перепаде высоты.

Лестница уходила вниз спиралью. Нимуэ спустилась, сосчитав ступени – триста, и тридцать, и три.

Молнии вокруг башни били вниз почти вертикально, и каждый удар высвечивал оранжевые узоры печатей в высоком небе.

Мать стояла у арки портала, держа на отлете маленькую белую чашу, молнии вокруг стягивались в нее и гасли, не достигая земли. Вокруг нее неподвижной колонной, упирающейся в тучи, стояло спокойствие.

Мать обняла ее свободной рукой и поцеловала в лоб. Нимуэ почувствовала, что дрожит.

– Чего ты хочешь? – спросила мать.

– В Аннуин, – ответила Нимуэ. – Я хочу в Аннуин.

Мать чуть приподняла ее за подбородок и тихо засмеялась. Белые одежды, белые волосы, белая чаша в белой руке вспыхивали и гасли во вспышках молний.

– Ты и правда его дочь. Гораздо больше его, чем моя.

Мать набрала код на портале. Портал ожил. Эйрмид чуть подтолкнула дочь к арке.

Нимуэ шагнула внутрь – и оказалась у озера.

Она обняла ближайшую сосну, села на землю и заплакала.

Потом слезы кончились, и она обнаружила, что сидит в сугробе.

Тогда она встала, сделала пометку, что тепло и холод попали в одну категорию с цветом, и пошла искать дом, в котором жила.

Озеро было завалено снегом, но снег покрывал толстый слой наста, и наст держал ее. Даже следов на нем почти не оставалась.

Нимуэ взошла по засыпанным ступеням и приложила ладонь к двери. Дверь скользнула в сторону. Внутри зажегся свет.

Нимуэ шагнула внутрь, и дверь захлопнулась.

Ей казалось, что с озера попасть в Аннуин будет легче – но оказалось, что это не так.

Она попыталась.

Ничего не произошло.

Ни на первый раз, ни на второй, ни на пятый.

В конце концов она позвонила Энгусу.

– Я не могу выйти в Аннуин.

Энгус пожал плечами.

– Разумеется, не можешь. Аннуин – это все одиннадцать измерений. Включая наши пять. Пока не освоишься с ними – от шести остальных тебе толку не будет.

Нимуэ поблагодарила его за совет и отключилась.

Сказанное значило много разных вещей.

Например, что ссора с Враном была на пустом месте, потому что, по большому счету, поступить вопреки его воле у нее не вышло физически. Пока.

Отказываться от своего намерения Нимуэ не собиралась. Как и возвращаться обратно. Вран слишком много для нее значил, противостоять его неодобрению в непосредственной близости было бы слишком сложно. Кроме того, она не была уверена, что Вран будет с ней разговаривать до тех пор, пока она не признает себя неправой, а неправой она себя не считала. Мать только усмехнулась, нажала несколько кнопок на пульте (затрещали помехи) и сообщила, что Вран перехватывает их разговоры, но, разумеется, делает вид, что ему даже в голову такая мысль не приходила. Нимуэ только кивнула – она предполагала что-то подобное. «Нам всем просто нужно немного времени», – сказала мать.

Что-что, а время у них было.

Но почему-то это не приносило утешения.

Вокруг озера стояла ватная тишина, как в хрустальном шаре, где белые хлопья вечно осыпаются на игрушечный дом, игрушечную крышу и игрушечного снеговика у порога.

Все вокруг казалось таким же ненастоящим.

Пол был серый. Потолок был серый. Стены были серые.

Нимуэ бросила взгляд в окно. За окном качалась рябина. Рябина тоже была серая. Из чего следовало что, раз серой рябины не бывает, все дело в сместившемся восприятии. Фактически ничего не изменилось. Просто цвета, звуки, запахи утратили прежний смысл.

Нимуэ сделала стену прозрачной и вырастила стол вдоль всей стены. На столе она разложила ватман, и разградила его на столбцы – цвет, запах, чувство, смысл. Раньше эти параметры были связаны. Если она постарается, то сможет восстановить, как именно. Когда она это сделает – она освоит пять обычных измерений. Когда она освоит пять привычных измерений – она сможет двинуться дальше.

Она пододвинула к себе краски и опустила в воду кисть.

Прошел Йоль.

Прошел Имболк.

Прошла Остара.

Прошел Бельтайн.

Прошел Лит.

Прошел Лугнасад.

Прошел Мабон.

Пол был серый. Потолок был серый. Стены были серые. За окном качалась рябина. Серые птицы клевали с серых гроздьев серые ягоды.

Нимуэ вздохнула. С другой стороны дома росла черемуха. Черемуха нравилась ей гораздо больше. Ягоды у черемухи были черные. Глядя на них, можно было представить, что хотя бы какого-то результата она достигла.

Хотя она только начала. Даже года не прошло. Это не срок. Даже по человеческому счету. (Что такое человек? Человек есть тот...)

Нимуэ выплеснула воду на пол, разбила чашку о край стола, выбрала осколок поострее и провела по руке. Из руки выступила жидкость. Жидкость была серая.

Она оставила отпечаток на листе и поднесла к нему комм. Комм выдал код цвета и серию картинок.

Картинки ничего не говорили. Нимуэ прочитала описания, описания ничего не говорили тоже.

Она посмотрела на руку еще раз. Тело сообщало о повреждении. Нимуэ прикусила губу и вписала в таблицу – «Дискомфорт. Повреждение. Что-то не так».

Все не так.

Никакие подобные приемы не помогали.

Ничего, помогут.

Дверь с шорохом скользнула в сторону. Нимуэ обернулась.

На пороге возник Мирддин.

Он стоял на фоне светлой стены, и значения цветов растекались от него, как если бы кто-то швырнул в стену банку с краской.

Кобальтовый синий.

Ей пришлось опереться о край стола. Взгляд скользнул вниз. Стол был бежевый, ватман был белый, пятно на ватмане было алое, жидкость называлась кровь. Кровь; страсть; боль; гнев; жажда жизни; энергия; привкус соли и металла.

– Стой так! – выпалила Нимуэ.

Будто какая-то внутренняя дверь сорвалась с петель; поток вздрогнул и прорвал плотину. Факты не изменились, изменилось что-то в соединяющей их ткани. Что-то, дающее возможность связать их воедино.

Она боялась, что оно исчезнет опять.

– Что ты делаешь? – спросил Мирддин, едва шевеля губами.

– Мне нужно в Аннуин. Сквозь тебя его видно. Побудь... так. Пожалуйста, – голос у нее сорвался.

Мирддин кивнул.

Нимуэ склонилась над листами, лихорадочно стараясь записать все.

Кармин, крик, истерика, ярость.

Кобальт, воля, отстраненность, стремление.

Багрец, отчаянье, одержимость, безумие.

Старательно разграфленный по оттенкам ватман шуршал и путался, сворачиваясь рулонами. Можно было идти последовательно по спектру, но Нимуэ боялась, что не успеет.

Бирюза, бриз, простор, ясность.

Изумруд, изумление, погружение, растворение.

Нефрит, недеяние, покой, забвение.

Мирддин стоял, не шевелясь, без всякого выражения на лице, еще больше похожий на витраж, чем когда-либо, только зрачки у него ходили вверх-вниз и вправо-влево, когда он оглядывал комнату.

– Есть способ проще, – вдруг сказал он.

Нимуэ подняла голову.

– Какой? Я даже облик не могу сменить.

Мирддин хрустнул пальцами.

– Я могу вывести тебя. Как в прошлый раз.

Ей все-таки пришлось сесть. Перед глазами поплыло алое, золотое и черное.

– Нимуэ.

Она зажмурилась и мотнула головой.

– Нимье. Нинева. Посмотри на меня, – с нажимом произнес Мирддин. – Есть вещи, которых я не хочу знать. Я не хочу с этим знанием жить.

Нимуэ открыла глаза и увидела, что он держит перед ее лицом осколок. Осколок был белый, фарфоровый, по сколу заляпанный красным, и красное уже потемнело и стало из алого бурым. Нимуэ ощутила, как кровь приливает к щекам.

– Зачем ты здесь? – сказала она, чтоб хоть что-нибудь сказать.

На стол легла пуговица. Круглая пластиковая пуговица с четырьмя дырочками веселенького зеленого цвета, с едва заметной сеткой царапин, будто кто-то долго таскал ее в кармане с прочей металлической мелочью.

– Я ухожу в Срединные земли. Не хочу оставлять незавершенного.

Голос двоился; не так, как эхо, а так, как при переводе. Будто за его спиной ревет океан, а Мирддин, вольно или невольно, дублирует привычной речью то, о чем шумят волны по ту сторону одиннадцати измерений.

Пена девятого вала; предвечное Божье слово...

Наверное, следовало отказаться. Но сил отказаться у нее не было.

Нимуэ убрала волосы с лица и выпрямилась.

– Хорошо. Когда?

– Сейчас.

Глаза у него были серые, почти прозрачные. Там, где-то там, за глазными яблоками, внутри была вселенная и путь во вселенную. С пустынными берегами, морями, дорогами, горо-

дами, дикими травами, белыми силуэтами чаек, дремучими лесами, кронами, упирающимися в небо, пляшущими созвездиями...

Ничто из этого ей не принадлежало, но смотреть, смотреть было можно, и она смотрела.

Они встали посреди комнаты. За стеклом вышло солнце, осветив на полу просвечивающий сквозь белую краску рисунок волокон на древесине. Они заняли стойку – три пальца у виска, симметрично. Вышло не с первой попытки; наверное, дело было в отсутствии практики. Или в том, чем это кончилось в прошлый раз. Никак не удавалось синхронизировать сердцебиение. Раньше это давалось как-то проще.

В конце концов Мирддин неловко прижал ее к себе одной рукой; он был сильно выше, Нимуэ отвернула голову вбок. Совсем рядом, под щекой, стучало быстро и ровно; так бывает, если стоять на мосту и смотреть, как несется внизу поезд между зеленых холмов, параллельно реке, и всегда есть такой момент, когда цепочка вагонов растянута от горизонта до горизонта, и они мчатся, не останавливаясь, и кажется, что у поезда нет ни конца, ни начала, он просто оборачивает планету и мчится, мчится, мчится.

Какая-то чужая эмоция проходила мимо, совсем рядом. У Нимуэ не было для нее названия.

Она заметила, что Мирддин почти беззвучно повторяет цепочку имен, загибая на свободной руке пальцы. Он дошел до последнего и замер.

– На счет три, – сказал он напряженным голосом.

Она замерла, выравнявая дыхание, как ныряльщик перед прыжком.

Раз.

Два.

Три.

Что есть человек?

Человек есть тот, кто включает в себя все.

Сок сладких плодов; предвечное Божье слово;

мед дикий; цвет горный и цвет деревьев;

земная соль; руда, что таится в недрах.

Листья крапивы.

Пена девятого вала.

На одно длинное, длинное мгновение мир внутри и вовне застыл в неустойчивом равновесии. Так, наверно, как это было до начала истории. До Разделения.

«Я могу быть с тобой. Но я не могу заменить тебе мир снаружи».

«Я знаю».

Слова падали, как снег на воду.

Одно долгое, долгое мгновение сконденсировалось между ними, как жемчуг в раковине. Как точка отсчета. А потом створки разжались, и сила инерции разнесла их в разные стороны.

Нимуэ поняла, что падает куда-то в бесконечную бездну. Все зашло от ужаса и необратимости происходящего.

Ее будто бросили в тигель. Раскаленный поток хлынул, разрывая ее на части, фрагменты, молекулы.

До коллоида. До звездной пыли.

А потом будто сработал огромный магнит, будто взрыв наоборот и все мельчайшие осколки сошлись к единому центру, заново соединяясь в единое целое.

Я не человек.

Я озеро.

Нимуэ засмеялась.

Это было так просто – не нужно было вмещать невмещаемое. Нужно было принять часть потока, который шел вокруг нее, мимо нее, сквозь нее, принять, пропустить сквозь себя и передать дальше, как река передает воду.

Будто огромная ладонь уперлась в спину – так крыло ложится на ветер.

Она протянула вперед незримые руки и увидела, как прорастают из запястий наружу вены, как размыкаются, как алая горячая кровь дану смешивается с холодной, прозрачной кровью озера. Как озеро наполняет земную чашу, как вбирает в себя ключи, как выдыхает в воздух туман, уходящий столбами в небо, как дыхание копится тучами, как проливается вниз, как касается губ, как уходит внутрь, как становится кровью, алой, горячей кровью дану. Человеческой кровью.

Озеро уютно покоилось в изумрудной чаше. Тянулись к свету со дна, чуть колыхаясь водоросли, между ними, у самого дна, сонно поводили плавниками толстые карпы. Кедростланцы поднимали от земли ветви, у могучих корней всплескивали тихие волны. По сосновым стволам гонялись друг за другом белки, летела вниз кора. Сосны уходили в небо, в синеве толклись белые облака. Сквозь облака сеялось осеннее солнце – ясное и холодное. Блики плясали на стеклянной глади.

У самой кромки стоял Мирддин Эмрис. Нимуэ потянулась к нему. Волна взметнулась и откатилась. Мирддин наклонился, зачерпнул горстью воды, плеснул в лицо и медленно выпрямился.

Вода была такой холодной, что все от нее горело, как растертое снегом, снаружи и изнутри.

– Неплохо сработано, – раздался голос.

Мирддин обернулся и увидел Рианнон.

– Вы знали, что так выйдет, – сказал он.

Рианнон чуть усмехнулась:

– Знала? Нет. Надеялась? Да. В таких делах никогда нельзя знать наверняка.

– Но вы все видели.

Рианнон кивнула.

– Фир болг нет места на Авалоне. Если бы она не удержалась, мне пришлось бы об этом позаботиться. Обычно изгнаниями занимается Вран, но в данном случае заставлять его в этом участвовать было бы немилосердно.

Деревья отражались в воде так четко, что почти нельзя было разглядеть границу, где реальность переходит в свое отражение.

– Никакого риска не было, – сказал Мирддин. – Ей был нужен Аннуин, а не я.

Это было хорошо. Но почему-то не радовало.

Рианнон повела бровью.

– Что же до тебя... ты человек, – продолжила она так, будто его реплики не было. – Твоя судьба не в нашей власти и не в нашей сфере ответственности. Ты уже решил, что будешь делать дальше?

– Пойду к людям.

Он очень плохо представлял, на что похожи Срединные земли и на кого похожи люди. Но это казалось ему единственным вариантом в свете всего произошедшего.

Рианнон окинула его взглядом и усмехнулась чему-то своему.

– Имей в виду – твое авалоновское гражданство остается в силе. Ты сможешь вернуться всегда, когда пожелаешь.

Прежде, чем Мирддин успел что-то ответить, она исчезла.

Он постоял еще немного, глядя в непрозрачную воду, потом наклонился, поднял камешек, зачем-то сунул в карман и зашагал прочь от берега.

[1x03] ветер

Мирддин сидел на крыльце и чистил грибы. У Блейза была совершенно иррациональная привычка вставать в злую рань и собирать все, что ему попало на глаза. Ну то есть вообще все, невзирая на степень зрелости и червивости. В результате из каждого ведра съедобной оказывалась едва ли пятая часть, которая потом ужаривалась до размеров вообще микроскопических. Мирддин как-то пытался в первые дни это рационализировать, и притащил Блейзу два ведра аккуратных, один к одному, шампиньонов. Блейз замахал руками – куда мне столько? Мне столько не надо, вон, Мойре отнеси...

Потом выяснилось, конечно, что шампиньоны просто так в округе не растут. А эти были, к тому же, наштампованные на синтезаторе, то есть, совсем как настоящие, и по питательности, и по всему, но совершенно одинаковые. Мойра, дородная, рыжая и на редкость громкоголосая, гостинец прибрала, но посмотрела как-то странно. (Блейз потом пояснил – «Ну, вот если бы ты пришел с грибами, но в шапке... или без шапки, но и без грибов... тогда, да, были бы проблемы. А так нормально. Ну и, что от меня, конечно...» Блейза в округе, судя по всему, любили и прощали ему все, включая подозрительного вида «крестника».)

В этот раз Блейз набрал маслят. «Во! – радостно заявил он, брякая полное ведро на крыльцо. – Сопливенькие!»

К местной манере выражаться тоже надо было привыкнуть. К массе вещей следовало себя приучить, если он собирался жить среди людей. Среди людей было... странно, но на Авалоне он не мог. Значит, оставались Срединные земли. Блейз приходился родичем матери. Последний раз Мирддин видел его в младенчестве. Забавно, насколько восприятие зависит от ракурса и первого впечатления – Блейз оказался невысоким добродушным человечком, и только по внезапному разочарованию при встрече Мирддин понял, что подсознательно считал Срединные земли страной таинственных и загадочных великанов. Глупо, конечно.

(Или не глупо, если вспомнить реакцию... реакцию всех.)

Мирддин понял, что, не моргая, смотрит в воздух. Он сделал усилие и разжал челюсти.

Были вещи, о которых он запретил себе думать, но какое-то неопределенное эхо ощущений все равно оставалось. Холод по венам, невесомость, желудок, подкатывающий к горлу. Как во время неудачного пике на спидере. Мирддин постарался сосредоточиться – взять гриб. Отделить ножку от шляпки. Поддеть ножиком кожицу. Потянуть. Снять. Вытереть ножик. Повторить. Не забывать дышать.

Мирддин разобрался примерно с половиной ведра, как во двор влетела Мойра. Вид у нее был безумный.

– Сидит, чувырло! – она уперлась взглядом в Мирддина и медленно стала на него наступать, растопырив руки. – Ишь, расселся тут! нежить остроухая!

Душить она меня, что ли собралась, озадаченно подумал Мирддин.

– Что такое, Мойра? – на пороге показался Блейз. В одной руке у него была поварешка. На круглом лице вечно плавала мечтательная улыбка.

Мойра немедленно повисла у Блейза на шее и заголосила:

– Блейз! Блейз, родной, миленький, Шон пропал! Поехал, поехал тетку проводить, послала я его, и пропал! Милка одна, под пустым седлом вернулась, похитили его, бедненького, Блейз, чует мое сердце! Как пить дать утащили сыночка моего, под холм утащили! Блейз, родименький, сделай что-нибудь, ты же можешь, мы тебе по гроб жизни...

Блейз слегка пошатнулся и оперся рукой о косяк – Мойра была женщина крупная. Лицо у него посерьезнело.

– Давно? – спросил он.

– Да нет, нет, же, вот, с утра сегодня... – Мойра утирала глаза рукавом и всхлипывала.

Мирддин перехватил взгляд Блейза, аккуратно вытер ножик, сложил, сунул в карман и начал снимать резиновые перчатки. Мойра уставилась на него с ужасом. Она раскрыла рот, хватая воздух, кажется, для новой партии воплей, но Блейз уже бережно вел ее к калитке.

– Мойра, мы сделаем все, что сможем. Все, что сможем.

Мотоцикл Блейзу подарили тоже, кажется, соседи. От широты души. Сложно было сказать, сколько ему лет и из чего они его собрали. Возможно, изначально это было два мотоцикла. Или три. Которые не очень удачно встретились со стенкой. Или еще с чем-то твердым.

Блейз сидел на мотоцикле верхом. За его спиной, собственно, было еще одно место, но сбоку к мотоциклу пристегивалась штука под названием «коляска», и Мирддин сидел именно в ней. К коляске прилагался шлем, но шлем был рассчитан на человека, и находиться в нем было решительно невозможно. Блейз только протянул – ну, смотри, твоя голова чугунная, не жалуйся потом. Хотя вы, дану, живучие...

Трясло в мотоцикле немилосердно, но, надо признать, ехал он довольно быстро. Особенно для такой развалины.

Они повторяли маршрут Шона. Вокруг едва-едва проезженной лесной дороги вставляли сосны. Было тихо.

Они проехали почти половину дороги, как лес неувовимо изменился. Листья стали ярче. Ягоды на деревьях краснее. Трава гуще.

Мотоцикл чихнул и заглох.

Чье бы это ни было место, его хозяин ничего не знал о двигателях внутреннего сгорания.

Именно об этом предупреждал отец – когда идешь за грань, бери только самые простые вещи. Лошадь, а не флаер. Меч, а не бластер. Наука – удел сложного, настоящего мира, а не выморочного. В локусе она не сработает. Самые простые мысли, самые простые чувства, самые простые законы. Не ешь, не пей, не оглядывайся, не оставайся надолго. Если бы Шон поехал на мотоцикле, он просто бы застрял на границе.

– Локус, – сказал Мирддин.

Зачарованное место. Попытка отделиться и создать свой собственный мир. Собой. Из себя. Многие пробовали. У атлантов почти получилось. Если не считать цены.

– Нестабильный, – добавил Мирддин и осекся.

Они стояли, разевая в беззвучном крике безгубые рты – серые, призрачные, обглоданные временем, воздевая вверх едва обтянутые кожей пальцы, а из пальцев уходили нити, тянулись, сплетались, опутывали паутиной деревья, кусты, травы, невидимый ветер трепал их обветшалые лохмотья, седые космы. Мирддин прислушался.

«Холодно! Холодно, холодно, холодно, хoooo... ooooo...»

– Что ты видишь? – спросил Блейз.

– Людей, – сказал Мирддин. – Призраков.

– Шон среди них?

Мирддин сделал усилие и вгляделся. Латы. Мантии. Короны.

– Нет.

– Тогда идем дальше.

Они пошли. Лес был очень красивый. Если не видеть призраков. И не слышать.

Они прошли совсем немного – и увидели ее. Она сидела на ветке, болтая босой ногой, рыжие ее волосы развевались по ветру, бордовый бархатный подол свисал почти до земли. Глаза на треугольном личике были стеклянные.

Он уже видел такое один раз.

Мирддин сжал локоть за спиной. Фир болг была очень похожа на дану, но ее уже почти не было внутри себя. Она пыталась сделать из себя локус. И, конечно, у нее не получалось. Ей

нужны были люди. Как материал. Но люди хрупки, их хватало ненадолго. Приходилось искать заново. И заново. И заново.

Блейз улыбнулся ей – как всегда улыбался всем.

Она соскочила с дерева и подбежала к Блейзу, доверчиво и радостно заглядывая ему в лицо.

– Теплый!

Блейз кивнул.

Она засмеялась и потянула Блейза за руку.

– Она не остановится, – тихо сказал Мирддин.

Чтобы остановиться, нужно захотеть остановиться.

– Я знаю, – так же тихо, не переставая улыбаться, ответил Блейз.

Она смеялась и напевала – тонким голосом, без слов. Это не было заклинание. Просто песенка.

Лес вокруг нее становился все раскидистей, все ярче, переливаясь всеми цветами, как не бывает даже самой золотой осенью.

Она вела их, приплясывая, все дальше и дальше. Блейз говорил что-то успокаивающе время от времени. Мирддин молча шел за ними, прикусив губу, отмахивался от призрачной паутины, стараясь не слушать завывания призраков, и внутри у него клокотала белая ярость. Происходящее имело название, и это название было – преступная халатность. Всего это можно было избежать. Можно было. Почему никто ничего ей не объяснил?! Почему никто ничего не сделал? Почему никто не предупредил – не строй иллюзии, не пытайся, это плохо кончится, это воронка, так нельзя, нельзя делать никогда. Почему?!

Блейз, будто услышав его мысль, отозвался:

– Когда фир болг воют, они не убивают последних детей в роду. Считается – дурная примета. Но и не воспитывают тоже.

Мирддин закусил губу, чтоб не зашипеть. Это все было сделано специально. Специально. А точнее, даже не специально, а просто им было все равно.

Вокруг сверкало и сияло – лиловый. Багряный. Золотой. С ветки на ветку перепархивали какие-то пестрые птицы. И бабочки, размером с две ладони.

– Авалон такой же? – внезапно спросил Блейз.

– Авалон – дарованная земля, – сказал Мирддин. – Он стоит только на том, что отдано в дар. По доброй воле, с добрым намерением. Поэтому фир болг там не могут. Они не понимают даров. Не хотят понимать.

Они подошли к склону холма. На холме лежал Шон, иссиня-бледный, и Мирддин видел, как от него отходят нити – к деревьям, к травам, к ручью... как жизнь уходит из него, насыщая собой локус. Ненадолго. Совсем ненадолго.

Она указала на Шона пальцем:

– Погас.

Блейз наклонился Шону, послушал пульс. Покачал головой.

– Ты можешь что-то сделать?

Мирддин вздохнул:

– Для него? Ничего. У них как одна кровеносная система сейчас. Если я обрублю нить, он умрет.

Блейз помолчал.

– А для нее?

– Я мог бы отвезти ее в Каэр-Динен. Попытаться отвезти. Но это как... обрубить руки и ноги и привезти тело. Как... пытаться принести воду в горсти. Я довезу слишком мало... или вообще ничего не довезу.

Мирддин зажмурился:

– Я мог бы рассечь. Они умрут... все... но это лучше, чем... так, – он сглотнул. – Она не остановится, Блейз. Она не сможет. Ее не научили, понимаешь? Просто бросили. А потом пришла Жажда, и вот... так нельзя, Блейз. Мы не можем уйти и всех оставить.

– Конечно, – Блейз кивнул.

Она подошла и протянула Блейзу ладонь. На ней красовались ягоды ежевики – большие, черные, блестящие. Блейз улыбнулся своей рассеянной улыбкой, и взял с ладони ягоду.

Мирддин дернулся, но было уже поздно.

Она засмеялась, нежно, радостно и мелодично. Потом вдруг наморщила нос и тяжело вздохнула.

– Почему ты вздыхаешь? – спросил Блейз. Невидимые нити тянулись от него, как побеги, вращаясь в землю.

Она всхлипнула:

– Гаснут. Все гаснут.

– Тебе жалко? – спросил Блейз.

– Жал... жал-ко, – недоуменно повторила она.

– Были. Теперь нет. Грустно. Хочется, чтобы были, – терпеливо объяснял Блейз. – Жалко.

Она кивнула. Слеза пробежала по ее щеке и ушла в землю. Там, где она упала, взмошел ландыш.

Блейз легко улыбнулся:

– Это можно исправить. Отпусти. – Он сжал и разжал кулак, показывая, как.

Она замотала головой:

– Нет, нет! Все пропадет! Станет холодно!

«Холодно! Холодно! Хоооооо... оооооо», – подхватили призраки.

Мирддин сглотнул и шагнул вперед:

– Отпусти всех, и я смогу отвезти тебя на Авалон.

Она вздрогнула и наморщила лоб:

– А-ва... А-ва-лон?

– В Каэр-Динен, – сказал Мирддин. – Там цветут розы. Там фонтаны. Там всегда тепло.

И там помогают. Всем, кому могут.

Это была правда. Не вся правда, но правда.

Блейз развел руками – колыхнулась оплетающая его паутина, нити, расходящиеся в стороны. Теперь человек тоже мог их видеть.

– Ты же знаешь теперь, что мы не врем.

Она кивнула. Закрыла глаза, обхватив руками шуплые плечи. Взвился и закружился вокруг ветер.

Рвались, рвались, рвались, паутинно-тонкие, серебристые нити. Лес стремительно увядал, блек, уходила, рассеивалась туманом его цветущая роскошь.

Призраки с протяжным торжествующим стоном уходили ввысь, в холодное небо.

Шон заворочался на холме, приходя в себя. Открыл глаза и уперся взглядом на стоящих перед холмом.

– Ааа! – завопил он, подбираясь. – Ведьма! Ведьма!

Блейз приложил его по темечку. Шон обмяк.

– Уж прости, парень, – извиняющимся тоном проговорил Блейз. – Полежи еще немножко.

Мирддин сидел на крыльце и чистил грибы. В принципе, не такое и плохое это занятие. Медитативное. После Каэр-Динен всегда так и тянет... помедитировать.

(Каэр при виде «подарочка» усмехнулась половиной рта – ты опять?)

Это не я, сказал Мирддин. Это Блейз.

Каэр только хмыкнула.

Мирддин некоторое время постоял, глядя, как она раздает указания. Холодный морской ветер обрывал лепестки с арок. Фир болг выворачивалась, пытаясь их поймать. У нее не получалось.

Я обещал, что будут розы, сказал Мирддин. Надо же было как-то... мотивировать.

Каэр сняла соцветие с ближайшей арки и протянула фир болг. Та сжала разлохмаченный цветок в кулаке и не выпустила, даже погружаясь в капсулу для «холодного сна». Ей нужна программа реабилитации, пояснила Каэр. На все это требуется время. Пусть пока побудет так.

Ясно, сказал Мирддин. Что он, собственно, еще мог сказать).

Скрипнула калитка.

– А, Шон! Заходи, заходи! – замахал рукой Блейз.

Шон затряс головой:

– Да я так... это... от матери передать...

Блейз сделал круглые глаза:

– Что, опять? Да мне вашими стараниями еды на пять лет вперед хватит! Мне уже ваши варенья-соленья ставить некуда!

– Не... это она вот ему, – Шон мотнул в сторону Мирддина головой.

– Так ему и передай! – весело отозвался Блейз и скрылся на кухне. Оттуда энергично шкворчало и тянуло жареным.

Мирддин вздохнул, отложил ножик и принялся снимать перчатки. Шон ошалело на них уставился. Не принято было тут чистить грибы в перчатках. Ну, что поделать.

– Ну, давай, – он протянул руку.

Шон вдруг ухмыльнулся:

– А это, мать говорит, белоручке. А то зима скоро, уши отморозит.

– Спасибо, – автоматически ответил Мирддин, принимая пакет. К местной манере выражаться все-таки следовало привыкнуть.

В пакете была бодренькая оранжевая шапочка. С помпоном.

Мирддин стоял над блейзовским мотоциклом, весь в машинном масле, и разглядывал конструкцию. Любопытство пересилило здравый смысл, и последние пару дней он провел, копаясь в этом конструкторе и выясняя, что да как.

Все-таки это была вещь. Было в ней какое-то варварское, доисторическое величие примитивного вида, давно обреченного эволюцией на вымирание, но все-таки сохранившегося. Невозможно было не любоваться.

В распахнутые ворота заглянул проходивший мимо Шон.

– Маслопровод барахлит? – спросил он со знанием дела.

– Ага, подкрутил маленько, – откликнулся Мирддин.

– У «Кормаков» всегда так. Или маслопровод, или еще что. Зато если руки откуда надо растут, цены им нет. Не какая-нибудь дрянь хлипкая, вроде «Дагенов»... Тебя, кстати, как звать-то?

– Эмрис я, – сказал Мирддин, не отрывая взгляда от двигателя.

– Из кармартенских, чтоль? – спросил Шон. – Вечно там какие-то Эмрисы, Элвисы...

– Ага, – ухмыльнулся Мирддин. – По матери.

Они обменялись рукопожатием.

– Надолго сюда?

Мирддин передернулся:

– Я че, дурной? Самайн на носу. Домой поеду.

Шон солидно кивнул:

– Давай-давай, поворачивайся. А то шляется тут по лесам шушеры... Вторую неделю серебряные пули льем... У нас всякой нечисти хватает... Ты ушастого-то видел?

– Кого? – поразился Мирддин.

Шон просто просиял:

– Да ты чо? Не знаешь? Блейз наш, святой человек, где-то даненыша подобрал. Мало-хольный, ваще! Маманя ему шапку малого отдала – так он так и ходит. Ну, безвредный вроде, так-то. Что вылупился? Не веришь? Да наш Блейз вообще и не такое может! А по лесам у нас тут кто только не шастает! Меня один раз чуть под холм не увели. Еду, никого не трогаю, смотрю – фейка. Глазищи – во! Ноги – во! Пальцем манит, и ну я и пошел, не будь дураком. Ну, а она меня в лес! Ну, я к ней целоваться – и тут меня уж заколдобило всего. Страху натерпелся, страсть! Гляжу – мертвые стоят! Ручищи – во! Ну, да Блейз меня вытащил. Блейз, он у нас святой человек! Мы ему все по гроб жизни! Не, ты что так смотришь?! Не, ты что, мне не веришь?!

– Верю-верю, – сказал Мирддин. – Это ж Блейз, он может.

Шон хлопнул его плечу:

– Ну, побежал я. Давай, вечером заглядывай, спросишь Шона, тебе покажут. Я тебе расскажу, как оно у нас тут все. Не Глен-Глехи какое-нибудь!

Шон быстро зашагал прочь по улице. Мирддин проводил его долгим взглядом.

– Однако.

Блейз, не без любопытства наблюдавший за сценой из окошка, покачал головой:

– Смотри, Мирддин. Доиграешься.

– Блейз. Он действительно не понял, с кем разговаривал?

– Так ты же ему глаза отвел. Откуда ж ему понять-то?

– Блейз, я этого не делал. Я знаю, что наводить чары на гостей без позволения хозяев дома – невежливо. Я просто пытался выразиться так, чтобы ему было понятно. Вербально и невербально.

– Мирддин, ты отвел ему глаза. Пусть и без магии. Как он тебя запомнил? Уши, шапка, физиономия постная, спросишь что-то – бубнит, грибы в перчатках чистит. Одно слово – нелюдь. А тут ты. Оброс, болтать по-местному выучился. В мотоцикле копаешься, как нормальный...

– Когда ты говоришь «нормальный», ты имеешь в виду прескриптивную норму или дескриптивную?

Блейз застонал:

– Дескриптивную. Мирддин, не ходил бы ты к нему вечером, ей-богу.

– Мне нужно научиться лучше понимать людей. Поскольку и мои родители, и ты настаиваете, чтобы я, цитирую, «не смел лазить в голову всем подряд», конец цитаты, единственное, что мне остается – это с ними общаться.

Что его поразило вечером – так это чувство полной невидимости. Это были не чары, но что-то очень похожее, его видели – и не видели. Люди говорили с кем-то, кому-то отвечали, этот кто-то занимал с Мирддином одно и то же пространство – но Мирддином не был. Это было похоже на фехтование. На танец. На синхронный перевод. Надо было только вынести себя за скобки, в зону невидимости, и позволить информации течь насквозь, только подхватывая и направляя, угадывая необходимые реплики. Где-то на перекрестке людских взглядов, в фокусе, слегка перед Мирддином, как маска на вытянутой руке, сооткался некий Эмрис из Кармартена. Человек. Кем Мирддин, возможно, мог бы стать. Если бы не был Мирддином с Авалона.

Людей было десять – Шон, Диллон, Оран, Калум, Эйдан, Клода, Кэтлин, Морин, Мэдлин, Шевонн. Они гомонили, перекрикивались, смеялись. Сначала на мотоциклах они куда-то ехали, потом что-то пили (какая гадость, и зачем бы это им?), потом горланили, потом опять

пили, потом опять ехали. Потом Шон показывал, как работает пулемет, который установлен у него на мотоцикле. Потом все стреляли по очереди. Потом опять ехали. Людям было весело. Мирддин не особо вслушивался в реплики. Стремление не выпасть из процесса занимало все внимание. «Эмрис» махал руками и горланил вместе со всеми. Шон хохотал, хлопал «Эмриса» по спине, «Эмрис» хохотал тоже.

Потом они приехали к какой-то скале над обрывом и полезли вверх. Оттуда открывалась вся округа. Людям было весело. Мирддин пытался понять природу этого чувства, но внимание соскальзывало.

- Шон! Шон, куда ты лезешь, чтоб тебя!
- Отсюда вся округа обстреливается! Если что, закрепиться можно! Вооот... вооот тут!
- Чтоб тебя черти взяли! И правда!
- Чур меня! Кто тебя за язык тянул? Самайн скоро!
- Не труусь! Черти?! Да кто угодно!
- Пусть приходят!
- Мы им всем покажем!
- Знай наших!
- Мы их всех уроем! И на могиле спляшем! Вот так! – Шон, на самой верхушке скалы, сделал несколько па, высоко выбрасывая вверх колени. Камень под его ногой подвернулся, и Шон полетел вниз.

Мирддин рванулся вперед и схватил его за шиворот. Кожаный ворот куртки затрещал, но выдержал. Мирддин теперь висел на левой руке, а правую оттягивал человек. Внизу плескалась темная вода. Кто-то визжал. Мирддин сделал усилие, выбросил человека наверх и вылез сам. Визг прекратился. Мирддин стал разминать запястье.

Шон, отплеываясь, поднялся с четверенек.

– Ты?! – лицо у него вытянулось. Он, кажется, узнал, с кем имеет дело. – Ты?!

Мирддин понял, что, отвлекшись, забыл про «Эмриса».

– Тварюка ушастая!

Шон размахнулся и заехал Мирддину в глаз.

Мирддин настолько не ожидал этого, что пропустил удар. Прижал руку к лицу и отступил на шаг.

– С ним по-человечески, а он! Накликал! Всегда все нормально было, а тут!

Шон примерился еще раз. Мирддин перехватил кулак. Он не понимал, что происходит. Некоторое время они так стояли.

– Чтоб тебя! – Шон вырвался, зло плюнул под ноги. – Люди! Пошли отсюда!

И они ушли.

– На, приложи, – Блейз пошарил в морозилке и вытащил замерзшую в кость котлету в полиэтиленовом пакете. – А то синяк будет.

Мирддин подчинился. Синяка не было бы и так, но держать холодное было приятно.

– Что произошло? – спросил Мирддин. Его никто никогда не бил по лицу – не на спарринге, а просто из возникшего желания ударить. – Я нарушил какое-то... – он поискал подходящее слово, – табу? Я должен был позволить ему упасть?

Блейз всплеснул руками:

– Бог с тобой! Он бы убился!

Котлета начала таять. Мирддин аккуратно положил ее на стол.

– Я так и подумал. Тогда почему он так отреагировал?

– Он испугался. А испугавшись – разозлился.

– Он испугался, что мог упасть? А почему он не подумал об этом раньше?

Блейз закатил глаза к потолку:

– Господи Боже, за что мне такое наказание! Как я отвык по-вашему изъясняться, Мирддин, ты бы знал! Шон не подумал, потому что Шону и его ровесникам вообще не свойственно думать. Особенно о таких вещах. Да, он испугался, что мог упасть и разбиться. Это во-первых. А во-вторых, он испугался тебя, Мирддин. Как ты бы испугался, если бы обнаружил, что тебя держит над пропастью кто-то из фир болг. Неведомая опасная тварь, которую ты принимал за такого же, как ты, и от которой неизвестно, что ожидать.

– А зачем он меня ударил?

– Не зачем, а почему. Потому что он хотел доказать себе и окружающим, что не беспомощен в этой ситуации. А ничего лучше ему в голову не пришло. Не мог он показаться перед ними слабаком, понимаешь? А ты его, невольно, конечно, таким выставил. Мирддин, я понимаю, это человеческие дети, они не кажутся тебе опасными. Но вы с пулеметом катались. А если бы они начали в тебя палить по дурости? Что бы я твоей матери сказал? Ты-то чего с ними туда полез?

– Мне было интересно. Я думал, они знают, что делают.

Блейз вздохнул:

– Мирддин, дану, твои ровесники... они всегда понимают, что делают?

– У меня... не очень много ровесников, – ровным голосом сказал Мирддин. По истертой клеенке в цветочек медленно растекалась натекшая с тающего пакета лужица воды. Мирддин с усилием поднял взгляд на Блейза. – Но да, понимают. В большинстве случаев. В большинстве случаев, если столкновение с эмоцией данного типа и принятие решения не происходит впервые или под воздействием изменяющих сознание факторов.

– Не всегда, значит, – заключил Блейз.

– Почему Шон не боялся меня раньше? – спросил Мирддин.

Блейз вздохнул, уже в который раз. Вид у него был, будто он бревна грузил – взмокший и усталый:

– Потому что ты выглядел смешно. Люди воспринимают смешное как безопасное. В следующий раз в такой ситуации...

– Следующего раза не будет, – сказал Мирддин. – Всего тебе доброго, Блейз.

Он достал оранжевую шапку. Натянул ее по самые брови и вышел.

– Шон.

Шон, ковырявшийся в двигателе, попытался сделать вид, что не слышит. Мирддин молча продолжал смотреть на его спину, в точку между лопаток, туда, где так удачно сходились швы на куртке – продольный и поперечный. Шон дернулся, будто его обожгло, выпрямился, обтирая руки тряпицей, и буркнул:

– Чего тебе?

– Я пришел извиниться. В мои намерения никоим образом не входило выставить тебя «слабаком» перед теми, чье мнение кажется тебе важным, как-то задеть твою самооценку или напугать.

Шон побагровел и аж задохнулся:

– Ах ты!.. Да я тебя!..

Мирддин развернулся и пошел прочь. Потом побежал. Потом оседлал ветер.

Ветер! Ветер! Ветер! Ветер! Ветер!

Физическая оболочка рассеялась мелкими брызгами, звездной пылью. Сверху, снизу, впереди, позади, вокруг мчался стремительный поток. Духи неба и земли, духи пламени и молний пели, смеялись и хохотали, и все это смешивалось в единый тысячеголосый хор.

Мы ветер! Ветер! Ветер! Ветер! Ветер!

Мы ливень! Ливень! Ливень! Ливень! Ливень!

Мы град! Град! Град! Град! Град!

Мирддин открыл границу и вплеся еще одной прядью в эту бесконечную гриву. Гриву Самайна, скачущего по холмам.

Вокруг хохотало, визжало и грохотало.

Вверх! Вверх! Вверх! Вверх! Вверх!

Облака летели плащом, рвались и обрывались клочьями.

Вниз! Вниз! Вниз! Вниз! Вниз!

Сосны сгибались, как трава.

Мы страх! Страх! Страх! Страх! Страх!

Впереди показалось озерцо огней – не тусклых, электрических, а живых, теплых, жму-щихся друг к другу под крышей.

Наше! Наше! Наше! Наше!

Крыша слетела. Огоньки сбились в горсть. Один выкатился вперед.

Вихрь закружился вокруг.

Смертный! Смертный! Смертный! Смертный!

Бойся! Бойся! Бойся! Бойся!

Человек! Человек! Человек! Человек!

Мелькнуло смутно знакомое лицо. Хор вдруг отдалился. Мирддин вдруг ощутил злой, веселый кураж, который тогда пытался понять – и не понял.

(«Что такое человек?»)

– Человек! – крикнул он, засмеялся во все горло – и открыл вторую границу.

Эффект был как от пробойны на орбите. Вихрь затормозил, замер на миг – и хлынул, не в силах остановиться, неукротимо, неудержимо, наружу, сквозь него, бешеным табуном, лавиной, танковой колонной по джунглям, получая то, что так стремился получить – и расточаясь, не в силах удержать желанное, весь мир, весь мир и вечность в придачу.

Он опять стоял на ногах. Сосны опять были выше. Небо опять было дальше.

Он обернулся и увидел церковь, с которой снесло крышу. Баррикаду у дверей. Узнал того, кто был впереди и широко ему улыбнулся непослушными губами:

– Я – человек. Он...

Земля пошатнулась и мягко ушла вбок. Перед глазами мотнулся алый помпон. Встревоженное лицо Блейза. И чего это он?

– Что? Что ты говоришь?

Мирддин цапнул его за воротник, подтянул к себе и шепнул на ухо:

– Я – человек. Он... он-то-ло-ги-чес-с-ки.

Пальцы разжались.

Планета неслась сквозь пространство – мимо молчащей пустоты, мимо поющих огней. Он лежал на поверхности, и перегрузка вдавливала его в камень, в землю, в гранит, как в мох, мягко, безболно, неодолимо. Скорость. Неподвижность. Хрупкость. Надежность.

Я есть.

Где-то там, внутри, в глубине, порхали по клавишам легкие пальцы. Сходились и расходились тектонические плиты. Волны набегали на берег, стирая следы, затягивая прорехи, разглаживая песок. Ощущение присутствия было всеобъемлющим, и можно было позволить себе просто быть. Плыть на тонкой бензиновой пленке между «внутри» и «вовне».

У присутствия было имя.

«Нимуэ».

«Здравствуй, Мирддин».

Мир медленно возвращался.

Пространство – где-то под открытым небом.

Слух – плеск. Шелест ветра. Сердце. Два сердца. Дыхание.

Запах – вода. Палые листья. Дым. Сосновая смола.

Авалон. Такой горький, и свежий, и сладкий воздух бывает только на Авалоне, и на Авалоне – только в одном месте.

Это было то самое учебное озеро, а он лежал у самой кромки воды, головой у Нимуэ на коленях.

Нимуэ; Нимье; Нинева...

Или я умер, невпопад подумал он.

Послышался тихий смех.

«Ты выходил из тела. Это может считаться „умер“ по человеческим меркам».

Она была сейчас больше Гвендолоена, чем Вивиан, больше Нинева, чем Нимье, и больше Нимуэ, чем озеро.

«Как я сюда попал?»

«Тебя привез Блейз. И еще такой смешной человеческий мальчик. Ты не дал уничтожить деревню. Они благодарны»

«Они не должны. Я сделал это для себя, а не для них. Из гордости, а не из доброты. Я... был с Дикой Охотой. С... фир болг.»

«Шшш. Я знаю».

«Но я не знаю».

– Не знаю, кто я, – выговорил он вслух. – Не человек. Не дану.

Он разлепил неподъемные веки.

В сумеречном небе плыла белая луна, и глаза у Нимуэ были как две маленьких луны.

– Ты – Мирддин Эмрис, – сказала она. – Этого достаточно.

[1x04] жажда

Мирддин вышел на берег озера и увидел ветер. Он переливался, как охапка павлиньих перьев, и каждое перо несло свой вкус, и цвет, и запах. Мирддин вгляделся, и чем больше он вглядывался, тем больше ветер расщеплялся на тонкие, разноцветные, переплетающиеся пряди – теплее, холоднее, пахнувшие озерной водой, мхом, смолой и хвойными иглами, влажной беличьей шкуркой, грибами, прелью, кедровыми корнями, погруженными в ил, багульников, палым листом, белыми пальцами, растершими горсть брусники... Ветер был переплетением бледных, разноцветных нитей, вобравших в себя все, к чему прикасались, за каждой из них можно было последовать и вернуться к началу – но как выбрать, за которой? они разбежались, расходились в разные стороны, таяли, внимание рассеивалось, не успевая...

Ветер ударил в лицо и рассыпался. Мирддин вздрогнул, очнувшись, и только тогда понял, что шквал не шелохнул и палого листа, лежащего на причале.

Это был дурной признак.

Это был настолько дурной признак, что Мирддин постарался задвинуть знание о нем в сторону.

Существовала вероятность, что это просто последствия недавних событий, остаточные явления после встречи с Дикой Охотой; не было ничего странного в том, что разобранный и собранный вновь тело обостренно воспринимает звуки и запахи; ничего и странного в том, что разобранный и собранный вновь сознание испытывает проблемы с концентрацией.

Он опустился на одно колено, чтобы плеснуть воды в лицо – но от его прикосновения она отпрянула, как живая. Стеклообразная, ровная поверхность озера вздрогнула, вздыбилась на мгновение и обрушилась с плеском – будто кто-то резко встряхнул скатерть. Мирддин медленно выпрямился. Это уже нельзя было списать на аберрации восприятия.

Зажужжал наручный комм. Мирддин нажал прием – раздался треск помех. Связь оборвалась.

По-прежнему оставалась крошечная, ничтожная вероятность, что это совпадение.

Комм зажужжал опять. Всплыло сообщение от Нимуэ: «Ничего не пей! И не ешь тоже ничего!».

Экран моргнул и умер.

Мирддин развернулся и побежал, пригибаясь от низких веток и перепрыгивая через спутанные корневища и кедр-стланцы. Мох глотал шаги, только сбитая с хвои роса рассыпалась дробью о листья, взблескивая налету в просветах между стволами.

Он выбежал к пирсу и замер. Нимуэ стояла на самом краю, опустив голову, и гулкая тишина расходилась от нее кругами, как от камня, брошенного в воду. В тишине неожиданно громко отдавался чуть слышный звон. Мирддин подошел ближе и увидел его источник – Нимуэ держала вытянутую руку над озером, и из горсти сыпались песчинки, ударяясь о зеркальную гладь. От них разбежались, пересекаясь, ажурные кольца, и Нимуэ смотрела на них, не отрываясь.

– Красиво, верно? – сказала она, не оборачиваясь.

«Зачем было делать живое из неживого? Зачем было все портить?»

Она не произнесла этого вслух, но Мирддин поймал обрывок мысли, и мысль ему не понравилась.

– Что происходит? – спросил он.

– У меня мир отваливается, – ровным голосом ответила Нимуэ. – Портал отрубился. Проверь флаер, он попроще.

Он попробовал завести флаер, покачивающийся на воде у пирса. Безуспешно.

– Попробуй еще раз.

Нимуэ сжала пальцами виски и зажмурилась, беззвучно шевеля губами. Мирддин опять попробовал включить двигатель. Приборная панель зажглась было, мигнула и погасла окончательно.

– Без толку, – сказал он, вылезая на пирс обратно.

Нимуэ обхватила себя руками.

– Я не помню, как он работает. Не могу сосредоточиться, – виновато сказала она.

Вид у нее был такой, будто больше всего она хочет сжаться в комок и натянуть на голову одеяло.

Мирддин вдруг понял, что именно это она сейчас и делает. В каком-то смысле.

– Ты сворачиваешь пространство в локус, – произнес он.

– Я?! – Нимуэ резко вскинулась к нему – и так же резко отшатнулась обратно.

Мирддин не успел понять, что произошло. Расплывающийся мир вдруг сошелся в одну точку. Это было как удар грома.

– Тебе надо уходить. Вот рюкзак. Ничего не ешь местного и не пей – материя тебя привяжет. Вода в рюкзаке бутилированная, она из мира снаружи. Еда тоже. Я не знаю, какой будет радиус у локуса. Думаю, за сутки ты успеешь выбраться. Сутки я попробую продержаться, потом он схлопнется, – голос доносился как издали. – Мирддин, ты меня слышишь?

Он кивнул. На большее его не хватило. Нимуэ зашагала прочь. Каждый шаг, кажется, отзывался по земле дрожью.

Мирддин где стоял, там и сел. Его трясло.

Это нечестно, подумал он. Я ведь только что выбирал. Я ведь уже выбрал!

Никогда не бывало так раньше, чтобы он встречался со знанием и отступал. Увидеть, понять, сформулировать – это было хорошо, это было правильно. Он никогда не сталкивался с несовместимостью истины.

Сейчас край завесы хлопнул, на миг расступаясь. Истина была ослепительной. Ослепляющей.

Невозможно было смотреть. И не смотреть тоже было невозможно.

Как ты можешь так со мной? Как Ты можешь?!

Как мне с этим знанием теперь жить?! Что мне теперь с ним делать?!

Он никогда не чувствовал себя настолько полностью, абсолютно беспомощным. Он никогда не знал ужаса. Никогда не знал преклонения. Бессилия. Благоговения. Отчаянья.

С истиной невозможно было сосуществовать; невозможно было ее вместить; невозможно было выдержать.

И без истины существовать тоже было невозможно, потому что она – все.

Истина была живой, личностной; нельзя было, как всегда, вынести себя за скобки, вынуть из ситуации, стать наблюдателем. Из кожи, из времени, из пространства вывернуться было бы легче.

Накатило острое, бешеное, яростное желание не-быть. Не рождаться никогда на свет; не существовать; чтобы не было на свете никого, ничего – потому что больше никак, никак нельзя было заполнить эту огромную, черную дыру внутри.

Которую не наполнить Истиной, потому что Истины не вместить живому, а больше не наполнить ее ничем, никогда, никогда.

Вот поэтому Жажду называют Жаждой и не делят память о ней с другими.

Это слишком, слишком, слишком страшно.

Мирддин сжал зубы, вцепился в волосы на затылке и изо всех сил дернул. Стало немного легче.

Глубинный, нутряной ужас ситуации был в том, что все уже, уже произошло. Мир уже раскололся. Даже если сейчас перерезать вены, или размозжить себе голову, или вколоть в

вену содержание всей аптечки разом – это значит только застрять в этом мгновении голодным духом. До скончания времен. На вечность. И еще одну вечность.

До Страшного Суда.

И потом, может быть, тоже.

Не быть было бы избавлением. Но такой опции у него не было.

Мирддин поднялся. Двигаться приходилось как через стену пламени. Кажется, уже стемнело. Или, может быть, выпало поле зрения, он не был уверен.

Все уже было кончено; оставалось сделать то, что нужно было сделать – или хотя бы попытаться. Идти было недалеко. Это было хорошо. И он хорошо знал дорогу. Это было хорошо тоже.

Идти оказалось не так уж сложно; из хаоса со внезапной четкостью выныривали отдельные предметы – по ним можно было ориентироваться. Когда из разноцветных пятен выпал кусок крыльца – пять ступеней, веранда, перила, ограждение, планки наискось, крест-накрест – он понял, что дошел. Мирддин скорее нашарил, чем увидел дверь и толкнул ее в сторону; понял по шелесту, что она распахнулась, и шагнул внутрь.

Нимуэ была внутри. Даже в полумраке на нее было невыносимо ярко смотреть.

Они сидела в темной комнате, сгорбившись, и мучительно вглядывалась в воду.

– Не вижу... через себя не вижу... – то ли услышал, то ли прочел по губам Мирддин.

Он оперся о косяк, чтоб удержать равновесие, и попытался высказать самое важное.

– Это фрактал.

Нимуэ подняла голову.

Не получилось. Мирддин попробовал еще раз.

– Самоподобная система. По образу и подобию, понимаешь? Центр... центр вселенной находится везде.

Нимуэ отрицательно мотнула головой. Губы у нее задрожали, и она опять уткнулась в чашу.

Вода в ней пошла рябью.

Мирддин сделал усилие, отлепился от косяка, сделал несколько шагов и сел напротив. Накрыл ее ладони своими, притянул к себе чашу и сделал глоток.

Нимуэ вскинула голову. Зрачки у нее были во всю радужку.

– Что нужно делать? – спросил Мирддин.

Она открыла рот. Закрыла. Выпрямилась, выравнивая дыхание.

– Смотри, – ответила она. Голос оказался неожиданно хриплым.

Мирддин посмотрел.

Он стоял на вершине горы. Впереди и внизу лежало озеро, как опал в оправе, а за спиной не было ничего. Ни тьмы, ни света, ни вакуума, ни воздуха – ничего, он чувствовал эту пустоту лопатками, прижатый к ней, как к стене. Он знал, что ему надо обернуться и посмотреть туда, но не мог шевельнуться от ужаса. Накатило тошнотворное ощущение слабости. Он стал смотреть вниз, на лес и озеро, чтобы отвлечься, и все внутри заныло от красоты и хрупкости. Он знал, что одно с ними, и что должен их защитить, и что не сможет, потому что небытие сожмется и придет за ним. Что самое лучшее, что он может сделать – отсечь, отделить себя от них, чтобы они выжили, чтобы не нуждались в нем – и не мог. Вина и отчаяние захлестывали все.

Он знал умом, что где-то там, за пустотой, остался мир, что он должен развернуться, и шагнуть в ледяную тьму с головой, и идти через нее, в одиночку, вслепую, без воздуха, наощупь, долго, долго, долго, пока не придет. Но не мог себя заставить.

«Не смотри сквозь меня! Смотри напрямую!» – пришел голос.

Он сосредоточился, отделяя себя от не-себя. Тонкая, дрожащая, как мыльный пузырь, пленка, отделила его от ужаса. Теперь было так, будто он стоит на вершине скалы и смотрит на лес и озеро, а Нимуэ стоит у него за спиной, положив ему руки на плечи и глядя сквозь него, как через стекло. Он чувствовал ее напряженный взгляд затылком.

Он постарался сделаться как можно прозрачней и начал поворачиваться – медленно, медленно, сперва одними зрачками, потом головой, потом корпусом – по полградуса, будто давая миру фору, чтобы вернуться обратно, вглядываясь в то, что появлялось перед глазами. Кедр, пихта, сосна, пологий берег, галька. Он чувствовал, что Нимуэ что-то делает – за ним, через него, повторяя его движения шаг за шагом; мыльная пленка дрожала и колебалась, но на это нельзя было отвлекаться. Река с каменистым руслом, расходящаяся рукавами, серая и стальная; белая пена, вскипающая у валунов; сизые холмы, встающие вдалеке. Он хорошо помнил этот вид – с треугольной горы над озером. Все было на месте. Ничего не изменилось, только лето сменилось осенью. Синеватые холмы; холмы зеленее, сосны, кедр, березы, рябины, песок, пирс, озеро. Медленно, медленно, как часовая стрелка, он завершил оборот.

«Все, – выдохнула Нимуэ за его спиной. – Теперь все».

Они опять сидели в комнате; по две стороны чаши. В чаше отражалась река и сизые горы вдалеке. Изображение пошло рябью и пропало – осталась только прозрачная вода и темные годовые кольца на деревянном дне. Можжевельник, невпопад подумал он.

Нимуэ бесшумно поднялась: «Надо проверить».

Они вышли во двор. Там стояли сумерки – то ли утренние, то ли вечерние. Все было как всегда, пахло водой и хвоей, тихо вздыхало озеро, тихо шелестел лес, тихо вздыхал ветер. Только вокруг дома трава стала белесой, а черемуха – совсем черной. Нимуэ провела рукой по стволу – остался темный след. Мирддин нагнулся и сорвал травинку. Она хрустнула. Кристаллы на ней были похожи на иней, но не таяли.

Соль. Соль и уголь.

Он опять почувствовал слабость и тошноту, потому что вспомнил, как совсем недавно хотел именно этого. Он очень ясно представил себе уже неосуществившийся выбор – как разворачивается, и уходит, как зверь из капкана, оставляя позади еще живой, кровоточащий кусок себя, оставляя за спиной все. Он был бы в своем праве, и все приняли бы его выбор, и никто не задал бы ему вопроса, потому что Жажда – это Жажда. Если ты не можешь остаться – значит, не можешь. Как лес, и озеро, и Нимуэ перестают быть, потому что таково было ее истинное желание и выбор. Как все превращается в соль и уголь. А ему все равно, потому что ему уже нечем пожалеть об этом.

Ему стало очень, очень страшно, потому что он не знал, почему этого не произошло. Где-то между свободой воли и свободой воли, между выбором и выбором что-то сдвинулось на волосок. Что-то, благодаря чему все не закончилось так, как должно было закончиться. И принять это было сложнее, чем принять Жажду, потому что Жажда была закономерностью. Очень важной, очень страшной, неизбежной – но закономерностью.

У – чуда? того, что произошло? – не было закономерности. Не было объяснения. Одно не вытекало из другого.

Нимуэ стояла у мертвой черемухи.

– У нас слишком много власти, – горько сказала она. – И слишком мало.

Он подошел и взял ее за плечи. Чувство было как от прикосновения ко льду – лед тает, нарастает снова, опять тает, опять застывает, слой за слоем; это как бежать вверх по эскалатору, текущему вниз. Нимуэ изо всех сил пыталась отстроиться от него. Он не понимал, почему. Мирддин отнял ладони; они горели, как от снега.

Нимуэ повернулась к нему.

– Ты можешь уйти теперь.

Он попытался представить, как уходит.

Это ощущалось, как отрезать себе руку. Или попытаться самому вырвать себе глаз.

Наверное, существовало какое-то условие, при котором он мог бы попытаться это сделать. Наверное, существовало какое-то условие, при котором он бы преуспел. Но думать об этом не получалось; все внутри начинало скручиваться все в ту же самую черную дыру.

– Я... – медленно произнес он; выбирать формулировку приходилось очень аккуратно, потому что внутри что-то вопило от ужаса и протеста, истошно и нечленораздельно, – не уверен, что смогу. Даже если попробую. Ты... хочешь, чтобы я ушел?

Нимуэ вся вскинулась. Голос у нее упал до шепота.

– Мне кажется, – она тоже выговаривала слова медленно, как через силу, избыточно четко артикулируя, как говорят на сильном морозе, – что я могла бы убить. Или умереть. Чтобы ты остался. И это неправильно. Никто не должен настолько сводиться к Жажде. Не может. Не должен. Чем ближе я к тебе, тем это страшнее.

– Тогда почему ты позволила мне помочь?

Она опустила голову.

– Лес. И озеро. Они не виноваты, что я не справляюсь. Никто не виноват.

Она говорила, горько и устало, а внутри и сквозь нее переливалось священное пламя, но у Мирддина не было слов, чтобы рассказать об этом.

– Почему ты вернулся? – спросила она.

Он зажмурился. То, что пригибало его к земле. То, что сжигало его изнутри.

– Знание, – ответил он. – Знание должно быть передано.

У нее метнулись зрачки – вверх, вправо и обратно; он прочел по этому движению, как она принимает решение, списывая себя со счетов во имя неназываемого должного; это тоже было неправильно, и он открыл было рот, чтобы сказать об этом, но Нимуэ покачала головой:

– Что нужно делать?

Он поднес пальцы к виску.

– Можно?

– Можно.

Что-то сдвинулось. Мир изогнулся и пошел от них волнами, выворачиваясь наизнанку. Центр вселенной наложился на центр вселенной; «Внутри» и «Вовне» опять смешались.

Самоподобная система выгнулась, отражаясь в себе самой.

Нельзя вместить Истину; нельзя вместить Вселенную, но можно вместить чужую душу, равновеликую твоей и равновеликую всему миру. Черная дыра внутри – это был всего лишь слот; всего лишь место для знания; то, что должно было быть заполнено для сохранения целостности.

Они были бок о бок/лицом к лицу/спина к спине; вокруг на самом пределе выносимого гремела, переливалась и грохотала симфония.

Ничто из этого не имело отношения к справедливости. Все было слишком – слишком огромно; слишком священо; слишком прекрасно; слишком страшно.

Каждый из них по определению был частью, отражением и сутью всего этого. Никакой другой цели и оправдания у них не было. Они были бесконечно малой и в то же время единственно значимой сутью происходящего; там, где они находились, они находились по праву, и это было единственно верное их место во времени и вне времени.

Разница между я-есть/ты-есть/мир-есть исчезла; кажется, ее никогда и не существовало.

От этого нельзя было закрыться. Да и не надо было.

Все было пламя и музыка. И наконец-то все было правильно.

Неизвестно, сколько прошло времени. Лил дождь. Одежда промокла до нитки. Они так и стояли, вцепившись друг в друга, как утопающие, едва выбравшиеся на берег.

Дождь, слишком теплый для осени, смывал черное и белое, соль и уголь, возвращая краски, звуки, цвета, запахи, сшивая небо и землю между собой.

Капли у нее на лице были соленые.

«Почему ты плачешь?»

«Потому что теперь могу».

«Черемуха».

Черемуха опять была живая; августовская, такая, какой оставалась в памяти. Дождь шелестел по зеленым листьям, сбивая на дощатые ступени спелые ягоды; они падали с чуть слышным стуком, и запах от них мешался с запахом воды, земли, хвои и дерева.

Когда они вернулись в дом, она спросила:

– Ты понял? Это то, что случилось с твоей Дикой Охотой. Они выпали сквозь тебя наружу, а удержать их было некому.

У него стало горько во рту.

– Я не хотел.

Она кивнула:

– Я знаю. Но никто не выдержит один Вовне.

Он обнял ее крепче:

– Никто и не должен.

Больше они об этом не говорили.

[1x05] кром

Потянулись дни, полные простора и тишины.

Странно было чье-то присутствие, не требующее постоянной бдительности. Можно было молчать. Можно было говорить. Много ходить по холмам – когда вместе, когда порознь.

Это было так же хорошо, как одиночество, но просторней. Мир стал больше. Что-то сдвинулось на градус, на полградуса, у всех вещей появился новый ракурс. Стало заметным что-то, ранее выпадавшее из внимания.

Озеро завалило снегом.

Отходить от него пока не хотелось. Контакттировать с внешним миром тоже.

Почти нечувствительно появилась и исчезла Рианнон. Сняла ментограммы, проверила цельность границ и исчезла.

Прошел Йоль.

Прошел Имболк. Снег стаял; вскрывшиеся горные ручьи растеклись и стали реками. Звук их изменился на две октавы. Небо из сизого и серого сделалось интенсивно-синим. Холмы сбрызнули фиолетовым – повылезали подснежники.

Мирддин, ходивший встречать рассвет в сопках, возвращался из долгой прогулки по берегу озера. Озеро дышало покоем. Все вокруг было живое, движущееся – вода испарялась, поднималась к небу, опадала росой. Палые листья истлевали, смешиваясь с землей, становились пищей новым всходам. Гонялись друг за другом звери, проливая алую кровь – одна и та же энергия жизни перетекала из одной формы в другую, меняя и меняя обличья.

И во всем этом была растворена Нимуэ – даже не как аромат. Как след аромата. Как всегда. Как обычно.

Он приложил ладонь к поверхности озера и позвал. Эхо ушло в глубину; он сел на берег и стал ждать.

Вода вскинулась, отливаясь в силуэт, прозрачный, как стеклянный. Фигура шагнула на берег, вода тянулась за ней, как бесконечный шлейф. В шлейфе отражалось небо и сосны.

– Привет, – сказал Мирддин.

Нимуэ склонила голову к плечу. Мирддин шагнул вперед и обнял ее.

Он чувствовал, как она собирается под его руками, концентрируясь в одной точке, стягиваясь в одну форму из остальных. Он провел по контуру – открытый лоб, высокие скулы, белое птичье горло, узкие плечи – стекло под пальцами теплело, как окно зимой от дыхания. Прошло не больше минуты, как она стала совсем такой, как Мирддин ее увидел в первый раз – тонкой, с голубыми, как лед, глазами на пол-лица, с короткими и легкими, как пух, волосами, разлетающимися над шеей, выступающей из воротника, как стебель из вазы. Простое платье, серое и бесформенное, стекало с ее плеч вниз, и Нимуэ проступала из него, как гребень из волны – новой линией при каждом новом движении.

Нимуэ-Ниниана-Вивиэн разомкнула губы.

– Ужасно долго я меняю форму, – сказала она. – Мне надо лучше концентрироваться.

– И тренироваться чаще, – в тон ответил Мирддин.

Нимуэ наморщила нос:

– Человеком утомляет. Да и сделаешь не все... Я проверяла границу, – пояснила она. – Все срослось просто идеально, даже шва между землями не осталось. А ты где был?

– А! Нашел кое-что... – у Мирддина мелькнула идея. – Давай покажу.

Мирддин сел на землю, опираясь спиной о дерево, и притянул Нимуэ к себе на колени.

– Не боишься? – спросил он.

Нимуэ запрокинула голову, упираясь затылком ему в плечо:

– Это мне следовало спрашивать!

Улыбка блеснула, как форель в реке. Нимуэ запрокинула руку вверх и коснулась его виска. Мирддин сделал то же самое.

– Тогда смотри.

Три. Точка. Один. Четыре. Один. Пять. Девять.

Цифры появлялись одна за другой, вспыхивая разноцветными сполохами; ему не приходилось делать для этого никаких усилий, они разворачивались впереди, как дорога, уводящая в бесконечность, давая прозрачное, головокружительное чувство потока. Он знал, конечно, что его восприятие субъективно, что грань реальности, к которой удавалось прикоснуться таким образом гораздо сложнее, отдаленней, непостижимей – но тем дороже была возможность разделить его с кем-то. Краем сознания он ощущал присутствие Нимуэ, ее жадное, распахнутое внимание.

Девять. Девять. Девять. Девять.

Полет замедлился. Они достигли нужного места. Вокруг обступила глубокая, прохладная синева, ровное сияние, перемежаемое цветными лучами.

Два. Один. Два. Восемь. Пять. Девять. Девять. Девять. Девять. Девять. Девять.

Три. Девять. Девять.

Мир сиял кобальтовым, синим, сапфировым. У океана над глубиной бывает такой цвет. У неба, на стороне, противоположной закату. И еще у витражных стекол иногда.

Они вынырнули наружу.

– Вот, – немного смущенно сказал Мирддин. – Мое новое любимое место в числе пи.

Нимуэ развернулась. Щеки у нее покраснелись, глаза сияли – как после катанья с горки.

– Оно прекрасное! Можешь сказать... можешь сказать словами, почему?

Взгляд ее был ошутим, как прикосновение. Мирддин чуть пожал плечом.

– Число пи – иррациональное. Бесконечное. Встроенное в саму природу вещей.

Как то, что между нами, вдруг подумал Мирддин.

– Обещай мне одну вещь, – сказал он вслух.

– Какую?

– Обещай, что будешь... что будешь продолжать быть. Неважно, как. Дану. Или духом. Или озером. Как угодно. Только обещай, что ты будешь.

Нимуэ выскользнула прочь. Села на землю, обняв колени. Темные пряди рассыпались, открывая ямку у основания затылка. Нимуэ подняла голову и грустно улыбнулась.

– Я не могу.

– Почему?

– А, – Она погладила сосновый корень, как кошку. Сорвала жухлую травинку и начала вертеть ее в руках. – Это когда ты знаешь, что должен хотеть жить. Обязан хотеть жить. Что у тебя нет никаких причин не хотеть жить. Что ты, в принципе, хочешь начать хотеть жить. Что ты должен заставить себя начать хотеть жить. Но не можешь, – Улыбка ее сделалась чуть виноватой. – Я очень плохо умею хотеть жить, Мирддин. У тебя так не было?

Мирддин помолчал.

– Тогда... тогда был момент, когда я хотел умереть, потому что слишком хотел жить. Жажда, которую нельзя утолить ничем, потому что, чем ее можно утолить, ты не вместишь. А всего остального слишком мало. Я... я не знаю, почему оно устроено так жестоко. Может быть, это просто что-то вроде наследственного заболевания. Люди, духи. Наследство падших народов по обеим линиям. Может быть, это просто Искажение. Может быть, это дурной поря-док. Может быть, Восставшие были правы. – Он подался вперед. – Но знаешь что? То, что я видел... мне этого достаточно. Достаточно, чтобы быть благодарным. Чтобы верить, что мир достоин существовать. Нимье, ты понимаешь?

У Нимуэ сделалось какое-то странное выражение.

– Ты никогда не останавливаешься, да? – спросила она.

– Да. Нет. Наверное, я просто не умею.

Нимуэ замерла, закусив губу и будто прислушиваясь к чему-то, а потом легко вскочила, схватила Мирддина за руку и потянула к воде.

– Моя очередь показывать!

Они вошли едва по щиколотку – и вдруг сверху рухнула огромная масса воды, будто кто-то открыл невидимую плотину. Мирддин рванулся вверх сквозь синюю толщу, конца-края ее не было видно, он почувствовал, как Нимуэ приникает к нему, вдыхая воздух в легкие – и они вынырнули на поверхность.

Это было небольшое озеро посреди скалистых выгоревших холмов. Воздух был жаркий и неподвижный, над холмами вдали поднималось марево. Небо было безоблачное, выгоревшее почти до белого.

– Ничего себе, – выдохнул Мирддин.

– Я не могу теперь отходить далеко от воды. Но могу ходить везде, где есть вода. Подумала, что смогу тебя тоже провести, – пояснила Нимуэ. – Ты как?

Он подумал, поднырнул, повторил ее жест с передачей воздуха и вынырнул на поверхность.

– В порядке.

К озеру склонялись ветви, склоны холмов вокруг него были интенсивно зелеными – очевидно, воды в округе было немного.

Цепь холмов изгибалась, сворачиваясь вдали. Скалы выступали из земли, как гигантские позвонки.

Вокруг стояло плотное, гулкое молчание – связанное не с отсутствием звуков – вокруг плескалась вода, шуршали листья, позванивали цикады – а с чувством отрезанности от всего. Он вспомнил полет на челноке – внезапно накрывшее его тогда острое ощущение, что больше никого нет, тишины и пустоты космоса, отрезавшей пассажиров челнока от остального мира.

Они вышли на берег.

Нимуэ принялась отжимать волосы. Ее простое платье не изменилось, только ткань промокла и стала прозрачной.

Мирддин оглядел себя. Комм превратился в литой браслет со впаянной пластиной янтаря, одежда – в какие-то невнятные штаны и рубаху, ботинки – в ременные сандалии. В сандалиях хлюпало.

– Стабильный локус, – сказал Мирддин. – Древний.

Нимуэ кивнула.

– Это Кром.

Ветви деревьев, склоненных к воде, затрепетали, оттуда вылетела стайка существ величинной с ладонь. То ли ящерки, то ли человечки с прозрачными стрекозиными крыльями. Существа носились друг за другом, выписывая в воздухе петли и споря о чем-то тонкими птичьим голосами.

– Кто это? – спросил Мирддин.

– Мысли Крома. Воспоминания Крома. Такими Кром помнит вестников. И восставших. И дану.

– Такими... суетливыми? – Мирддин прищурился, всматриваясь повнимательней. Будто уловив его взгляд, стайка замерла в воздухе. Движение перестало быть хаотичным, один за другим летуны оборачивались и застывали в воздухе, трепеща слюдяными крыльями. Чирикающие глаза перестали спорить, постепенно галдеж их превратился в слаженный хор:

– Кром! Кром! Кром! Кром! Кром!

Мирддин охватил взглядом ажурную конструкцию из воздушных акробатов, соединенных незримыми линиями – и увидел очертания глаза. Тяжелое драконье веко в обрамлении чешуи, надбровная дуга. Веко медленно поднялось, открывая вертикальный зрачок, огром-

ный глаз шевельнулся в призрачной глазнице, на миг остановился на незваном госте — и опять закрылся. Летуны брызнули в разные стороны, опять скрываясь в ветвях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.